

Михаил Белозеров

Войны Марса

Михаил Белозеров

Войны Марса

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4954921*

Аннотация

Самая первая экспедиция на Марс, в которую набрали специалистов с миру по нитке – в первый марсианский стройбат. Зарывается в землю сразу в трёх точках Марса. Готовит почву для колонизации планеты. Совершенно случайно земляне узнают о существовании внутри Марса огромного города – остатки былого величия древней цивилизации марсиан. Никто даже не предполагал, что эту цивилизацию уничтожило таинственное облако Глобула, которое периодически посещает Марс. Проникнув в город и столкнувшись с этим облаком, земляне постепенно узнают историю Марса и начинают борьбу за его будущее. Оказалось, что облако Глобула используется обитателями планеты-изгоя Планемо для уничтожения обитателей города. Земляне не готовы к вооружённому столкновению на Марсе. Им приходится использовать подручное оружие.

Герой романа Сергей Бабура проходит через все испытания и готов отправиться на планету Планемо, чтобы разгадать её тайну и отвести угрозу уничтожения не только от Марса, но и от Земли.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Михаил Белозеров

Войны Марса

Пионерам Марса посвящается.

Глава 1

Неожиданности

Бур сдох совсем некстати. Сергей чертыхнулся и полез исправлять, но так и застрял, поражённый увиденным.

– Что, что?! – закричал раздражённый Чернаков. – Что опять?! Какие, к чёрту, колонны?!

Пётр Григорьевич был зол с утра, искал, на ком бы оторваться, а здесь подвернулся сержант Сергей Бабура, и он его третировал весь день, благо, что Сергей был новичком, проработавшим всего одну смену. Апофеозом послужил бедный бур. Чернаков долго матерился в эфире. Так долго, что в его тираду вклинились из командного пункта и посоветовали побыстрее разобраться с поломкой, а не сотрясать воздух. И так было ясно, что они безбожно отстают от графика.

Сергей поменял каску на шлем и покинул кабину, полагая, что всего-навсего лопнул шланг высокого давления. В туннеле было сумрачно, пыльно и особенно тихо после всеобщего грохота. Так тихо, что Сергей невольно насторожился. Он действительно по старой земной привычке полагал, что всякая тишина на Марсе несёт в себе потенциальную опасность. И ещё долго озирался, не в силах привыкнуть к мёртвой планете. Старые марсиане посмеивались. А женщины жалели – новичок, зелёный, что с него возьмёшь?

Пыль медленно рассеялась, в лучах прожекторов стал виден блестящий металл. Шаровые головки сбоку стёрлись, щит заклинило, нужные клапаны не сработали, и в результате шланг лопнул по всей длине. Но всё это было ерундой по сравнению с находкой. В кои-то веки на Марсе нашли что-то рукотворное! Сергей не верил своим глазам. Он залез по насыпи и осторожно потрогал: металл обжёг руки даже сквозь перчатки. Там где по нему прошли головки бура, он дымился, был в заусенцах и шершавым на ощупь. Тогда-то Сергей и высказался насчёт колонны, а Чернаков долго насмехался, а потом стал ругаться чёрными словами. Его интересовали в основном графики работ, а не какие-то там артефакты, поэтому он обвинил Сергея в саботаже и нежелании работать, полагая, что новичок – слабак, и заткнулся только тогда, когда пыль окончательно рассеялась и на экране стала видна часть колонны. То что это колонна, Сергей даже не сомневался. Определить её диаметр на глазок было весьма затруднительно, потому что из породы выступала лишь часть округлой поверхности, а находилась колонна здесь так давно, что грунт местами вьелся в чёрный металл. Чернаков замолчал. Это было его поражением. Он всё понял, хотя до последнего момента надеялся избежать неожиданностей. Теперь из-за этого чёртова артефакта вся работа коту под хвост, подумал он. Придётся переделывать схему. А это потянет за собой сроки освоения озера Феникс. Как такое сокровище проморгали? Впрочем, он сам участвовал в проекте, и ругать надо было прежде всего самого себя. Спешили, напортачили, понадеясь на русский авось – теперь придётся расхлебывать. А ведь там: и на Земле, и на Луне тоже ждут и у них тоже сроки и планы с пусками ракет. Быстрее! Быстрее! Американцы на хвосте! А мы первые на Марсе! За любые задержки по головке не погладят, а только оторвут. С другой стороны – артефакт! Признаки цивилизации! Первые в солнечной системе! Это тебе не шутка,

здро́во рассу́ждал Чернаков, покидая уютный бункер и направляясь в кессонную камеру. За такие события награды дают и списывают имена золотом в страницы истории.

Командный пункт молчал. Он пребывал в шоке. И только когда Чернаков спустился на сто двадцатый уровень, в наушниках зашуршало, и неуверенный голос полковника Бастрыкина спросил:

– Ну что там?.. Разобрались?..

– Да нет... только подхожу.

– Пётр Григорьевич, будь осторожен, я тебя богом прошу. Нам ещё только ЧП не хватало.

– Ладно... – великодушно пообещал Чернаков, всё ещё испытывая раздражение и грозно, как таракан, шевеля своими старшинскими густыми усами, в которых уже появилась ранняя проседь.

На другой линии стороне связи, зная нрав Чернакова, поняли, что он поостыл, и генерал Зуев посоветовал:

– Без героизма. Если это действительно колонна из металла, работы на первом участке временно прекращаем до выяснения обстановки.

– Есть до выяснения обстановки.

Чернаков был военным строителем в звании майора, разжалованным до капитана, и умел подчиняться. Он сбежал от своего служебного прошлого, которое не удалось по многим причинам, главное – от и безысходности, от сумасшедшей жены, голодных детей, назад ему дороги не было, и на Марсе отдался работе, в надежде сделать новую карьеру и дослужиться хотя бы до генерала. Он даже отрастил густые усы, дабы тратить меньше времени на бритье, и даже отрастил бы и бороду, но борода в армии запрещалась.

По-моему, обошлось, подумал он, но голову всё рано оторвут. От этой мысли капитан испытывал некое садистское чувство, потому что вкалывал не за деньги, а за совесть, и любые срывы в графиках считал личным оскорблением, поэтому, что называется, горел на работе. А таким людям головы, как правило, не отрывали, таких людей берегли, но на них и ездили до полусмерти. Это после них появлялись стелы с надписью: «Первым строителям Марса!» или «Первопроходцам Марса!», словно вся жизнь таких людей умещалась в подобных коротких строчках, а всё остальное не имело никакого смысла.

Сергей присел на гусеницы бура, давая возможно начальству насладиться находкой. Он бы даже закурил, если бы мог. Но курить в забое строго-настрого запрещалось, да и как закуришь в шлеме-то?

– Да... видим... – оторопело произнесли в командном пункте голосом полковника Бастрыкина.

Непонятно было, то ли радуются, то ли льют слезы. Так всё было спокойно и размеренно – и на тебе! Земля вообще думу будет думать и чёртыхаться. Свалился всем на голову этот артефакт! Чернаков на всякий случай перекрестился и оглянул по сторонам, хотя за ним никто не наблюдал: безмолвное марсианское нутро, поблескивая кристаллами магнетита, смотрело на него абсолютно равнодушно. Это и раздражало. Подспудно хотелось какого-то движения, ответной реакции, тайного знака наконец. Ведь вгрызлись в планету, суеверно думал Чернаков, вгрызлись, а ей хоть бы хрен по деревне. Есть за что ненавидеть этот Марс.

– Чего расселся?! – ехидно спросил Чернаков, попав в рабочий забой.

Сквозь стекло шлема на него смотрело чернявое измученное лицо новичка: под глазами круги, губы дрожат, на кончике носа капля пота – не адаптировался ещё ни к марсианским суткам, ни к давлению, ни к отсутствию магнитного поля. Полгода назад Чернаков и сам был таким, но теперь ему наплевать на чужие страдания, теперь главное – грызть и грызть Марс, закапываться в его брюхо, строить побыстрее базу, обжиться и идти дальше.

Новичок об этом даже не догадывается. Ему плохо, очень плохо. Плевать! Кого это интересует?

– Шланг менять надо...

Высокий и сутулый Чернаков казался старым и изношенным, как и любой марсианский механизм после полугода беспрестанной работы. Сергей капитана побаивался и старался лишний раз ему на глаза не попадаться.

– Так меняй! Чего сидишь?! И не особенно здесь!

Что товарищ капитан имел в виду, Сергей так и не понял. Моей дело маленькое, решил он и занялся буром. Потом прибежал узнать, в чем дело, бригадир второй бригады – старший сержант Жора Генацаревский. Вслед за ним подтянулось начальство всех рангов. В забой даже сунул нос главный повар Ноздрюхин, но, естественно так, чтобы его не заметило начальство во главе с заместителем генерала Зуева по безопасности – полковником Бастрыкиным. Потом прибыла главный врач, и только после этого явились специалисты, увешанные оборудованием. Сергей помогал всем и изрядно устал. Он уставал быстрее, чем на Земле, потому что ещё не закончилась адаптация. Работать было некому, вот его и сунули в дело в нарушении всех норм и правил. В общем, к концу рабочего дня Сергей был никаким. Что там делают специалисты с этой колонной, его уже не интересовало. Он только сдал бур назад, освобождая пространство, дождался сменщика – Мишку Кораллова и поплёлся спать.

* * *

Бункер строителей находился в скале, или, как говорили – в берегу озера, справедливо полагая, что здесь когда-то была вода. Для того чтобы попасть в бункер, даже не требовалось подниматься на поверхность. Надо было только покинуть рабочий забой и пройти метров двести по ветке. Три шлюзовые камеры отделяли рабочую зону от бункера. После второй камеры можно было откинуть или снять шлем. Что Сергей с удовольствием и сделал, вдохнув прохладный воздух подземелья. Вдохнул, а выдохнуть забыл – на рельсах метров в десяти стоял Пашка Марфин, с круглой, как блин, физиономией. Во, бляха, тупо подумал Сергей и остановился. Точнее, замер, как пограничный столб.

Пашка стоял как раз в том месте, где под потолком горел фонарь, и поэтому его было хорошо видно. Рабочего шлема не нём не было, а от скафандра поднимался пар, словно Пашку облили кипятком.

– Привет... – прошептал Сергей и покрылся холодным потом, который стал стекать по лицу и шее в рабочий скафандр.

– Привет, – расплылся в улыбке Пашка. – Дай закурить!

– Так-к-к... – с трудом выдавил из себя Сергей. – Ну?..

Звуки вязли в горле, в коленках возникла предательская слабость. Впервые, он видел живого покойника. Даже на Марсе – это неизгладимое впечатление, хотя Марс предрасполагал к чудесам. Была у него такая особенность – внушать людям то, чего в реальности не было.

– А-а-а... ну да, – весело подмигнул ему Пашка, – я и забыл, что нельзя. Чего, смену сдал? Всё нормально?

– Сдал, – кивнул Сергей. – Всё нормально.

– К себе идёшь?

– Иду, – признался Сергей.

А что ему ещё было ответить человеку, который даже официально числился мертвецом?

– Ну пойдём вместе. Да не бойся ты, я не кусаюсь.

– Я и не боюсь, – выдавил Сергей из себя, стараясь не броситься сломя голову назад в капитану Чернакову, как к родному отцу, потому что бежать больше некуда: или вперёд, или назад.

Они пошли рядом. Сергей видел Пашку всего раза три – как раз за сутки до его исчезновения: первый раз на взлётном поле, когда Сергей покидал посадочную капсулу звездолета «Восток», а второй раз – у врача в кабинете, и третий раз в бригаде, перед тем, как Сергея заперли на карантин. Они-то всего успели перекинуться парой фраз. Карантинное помещение находилось здесь же – за жилыми боксами и было отделено тамбуром. Все две недели карантина Сергею полагалось смотреть по телевизору фильмы, да порой общаться с врачом, которая приходила брать у него анализы крови, а ещё он по интеркому каждый день рассказывал буровикам последние новости с Земли. Его слушали с неизменной жадностью, даже если он рассказывал одно и то же двадцать раз подряд, и задавали сотни наивных вопросов. Люди ещё не отвыкли от Земли, но и не привыкли к Марсу. Не обжились, не обтёрлись, не почувствовали планету. Она ещё была чужой, таинственной, поэтому метафизически непостижимой. В среде буровиков преобладали суеверия. На ночь кто-нибудь обязательно заводил разговор о «чёрном марсианине», неприкаянно бродящим по планете.

– Ты что, вернулся? – спросил Сергей о самом очевидном.

– Так-к-к... э-э-э... а куда я уходил? – в голосе Пашки прозвучала насмешка.

От него явно пахло самогонкой.

– Откуда я знаю, – Сергей понял, что дал маху. – Тебе виднее. Здесь тебя уже похоронили.

– А-а-а... ты про это? Ну так я вернулся.

– Ну и что там было?

Сергей немного успокоился и даже оглянулся: позади никого не было. Откуда же возник Марфин? Не из стены же?!

– Да ничего хорошего. Скуотища, как и везде. А капитан всё ещё ворчит?

– Ещё хуже стал, вообще головой стукнулся, – пожаловался Сергей.

– Абалбеть можно! Это потому что без женщин, – уверенно пояснил Пашка, довольный, как кот, отведавший сметаны.

– А что делать-то? – философски поддакнул Сергей.

Он ещё не до конца понял, как вести себя с Пашкой, потому что Пашка был авторитетом во всех отношениях и по слухам – большой бродяга.

– Да, брат, – трагически согласился Пашка Марфин. – Нашему брату терпеть положено.

Женщин было всего три: главврач – Светлана Андреевна – жена генерала Зуева, микробиолог – Алла Ивановна Веселова, подруга главного геолога Василия Олеговича Звонарёва – женщина с красивым, но с неподвижным кукольным лицом, и Мила Дронина – вулканолог, метеоролог и помощник главного повара по совместительству. С Дрониной Сергей летел восемь месяцев в одном звездолёте и влюбился в неё. Она ему снилась по ночам, и, просыпаясь, он чувствовал запах её волос и вкус её губ. Но на Марсе по слухам она закрутила роман с полковником Бастрыкиным – даже на сторонний взгляд слишком старым для неё, и на Сергея уже не обращала внимания. Так что рядовому составу здесь обломиться ничего не могло. Больше чем в двух тысячах километров на плато Ноя строился Городок-Два, и женщин там было в три раза больше. Но никто из проходчиков, кроме Пашки Марфина, там не бывал. Марфин залетел на пьянстве, и его в виде наказания сослали в Городок-Один, потому что считалось, что здесь условия хуже, начальство покруче, а развернуться по части выпивки негде. Раз в десять дней между Городками курсировал самолет. Была ещё одна база – Городок-Три на равнине Аргир, но там женщин не было вовсе, потому что по полгода стояли дикие морозы и бушевали метели, а остальные полгода, когда начинала оттаивать ледовая шапка, Городок-Три утопал в грязи. Будь у Пашки Марфина какая-нибудь другая

специальность, например, радиста или электроника, он бы попал в Городок-Три, но Пашка был потомственным шахтером из Донбасса и хорошо знал своё дело.

Они вошли в шлюзовую камеру, и Сергей заметил на Пашкином скафандре дырку слева – как раз там, где сердце.

– Ранен я был... – объяснил Пашка, перехватив его взгляд. – Тяжело ранен, но вылез в «машинке гоблинов». Ты только никому не говори. Я сам начальству доложусь и всё улажу. Ладно?

– Ладно, – сказал Сергей, хотя его так и тянуло за язык спросить, что такое «машинка гоблинов».

После шлюза начиналась жилая зона с боксами, кубриками, столовой и зоной отдыха.

Сергей так устал, что ему было всё равно, что там Пашка натворил и где он шляется целых десять марсианских дней. Собственно, поэтому Сергея и дернули из карантина и поставили на работу, не дав досидеть трёх положенных законом дней. Пусть начальство разбирается. Мое дело маленькое – от смены к смене. Он пошёл к себе в бокс и, едва стянув скафандр, рухнул на чужую койку. Приснилась шумная Москва, метро, Воробьевы горы, где он в детстве катался на лыжах. А ещё снилась мама и любимая девушка Варя. Будто бы они делают пельмени и варят их в большой кастрюле. А потом вываливают в большую же миску и заливают сметаной из большой банки. Отец, крикнув для порядка, выпивает большую рюмку водки, и они наваливаются есть.

Есенья Цугаев, пришедший из третьего забоя, бесцеремонно растолкал его, и только после этого Сергей умылся и поужинал. А потом снова завалился спать, на этот раз ему приснились какие-то кошмары с неземными чудовищами, которых не мог себе представить даже Голливуд. Эти чудовища гонялись за ним и Милой, и он проснулся мокрый от холодного пота – хоть выжимай, всё ещё испытывая желание защищать её, и к тому же не выспавшимся и злым. В общем, сплошной абстракционизм. Сергею хотелось выпить рюмку водки и закусить обыкновенным солёным огурцом. Но где его возьмёшь на Марсе-то?

* * *

Вначале до Пашки Марфина у начальства руки не доходили. Он даже вышел в смену и отработал пару дней, в течение которых спецы возились с колонной, пока на командном пункте не спохватились и не взяли Пашку под стражу. Собственно, это после его странного исчезновения за рабочим забоем установили контроль. Бригады восприняли это как недоверие. До этого работали, как обычно, по старинке: от смены к смене без всякого надзора, слишком инертной казалась планета – уснувшей. Отношения между начальством и подчиненными стали более формальными. Контроль есть контроль. Теперь же за три километра в железобетонной будке восседал капитан, и велась видеозапись.

За неимением каталажки, Пашку посадили в склад кернов. Прошли сутки, ничего не случилось, и все вздохнули с облегчением. Пашка не буйствовал и не исчезал, а спокойно спал на топчане и с аппетитом пожирал, всё, что ему приносили в котелке. Следили за ним те, кто был свободен от смены.

Ночью Сергей проснулся от шума: кто-то возился в его тумбочке. Испытывая невероятный ужас, Сергей не с первой попытки включил свет.

– Сигареты кончились... – виновато сказал Пашка, щурясь на лампочку.

– Возьми блок, – разрешил Сергей, инстинктивно поджимая ноги и кутаясь в одеяло.

Он поймал себя на том, что даже не успел вовремя среагировать на опасность, а это было плохо, очень плохо – Сергей рассчитывал живым и здоровым вернуться на Землю. Сергей читал, что на острове Пасхи выживали только те, кто спали вполглаза, сидя на корточках, чтобы вовремя схватиться с противником. Он давно решил применить эту технику

на Марсе, да выматывала работа. Зато дома, в отпуске, за месяц до отлета, он тренировался регулярно, и даже подтянул к этому делу младшего брата Илью. Так вот, счёт был три к одному в пользу Сергея. Из него получился отличный длинноухий с острова Пасхи.

– Спасибо, – сказал Пашка и ушёл в темноту бесшумно, как кошка.

Только после этого Сергей сообразил, что Пашка-то заперт на огромный замок! Как был в армейских пятнистых трусах и босиком Сергей на цыпочках побежал посмотреть. Склад находился в конце жилой зоны. Там даже фонаря не было, и Сергей, потрогав замок, спросил:

– Чего приходил-то?..

– Да за сигаретами, – раздалось из-за двери.

– Ну ты даёшь, мужик...

– Чего, напугал?

– Напугал, – признался Сергей, отпирая дверь.

Внутри было холодно, как в туннеле, плюс двенадцать – и зимой, и летом. Пашка же был одет в свитер, легкий комбинезон и, кажется, совершенно, не страдал от заточения. Напротив, вид у него был самый что ни на есть баламутный, к тому же он всё ещё пахивал, как минимум, пивом. Только откуда оно на Марсе-то? Сергей не решился спросить, зная, на какой ответ нарвётся.

– Ты не бери в голову, – сказал Пашка, залегая на топчан и выдыхая кольцами дым, – со мной всё будет нормально. Прорвёмся. Где наша не пропадала!

Ну да, подумал Сергей, тебе-то что? Одни гульки. А нам? Карауль тебя здесь. Трясись по ночам. Больше делать нечего.

Круглое, плоское лицо Пашки выражало полное удовольствие от жизни и одновременно – равнодушие к судьбе. Сергей всё время думал: что это храбрость или тупость? Но не находил ответа. Вот и теперь он посмотрел на Пашку и ничего не понял.

Сергей сел на табурет, скрестил голые ноги, чтобы было теплее, и тоже закурил. Дым вяло поднимался к едва тлеющей лампочке. Откровенно говоря, он завидовал спокойствию Марфина. Отчебучить такое – и беспечно плевать в потолок. На это способен не каждый.

– Где же ты был? – задал он вопрос, который мучил его все эти дни.

– Э-ге-ге... – заржал Пашка и подрыгал ногами.

От воспоминаний в его глазах заплясали чёртики. Он даже преобразился и расправился плечи. На губах заиграла странная ухмылка. Должно быть, там, где он побывал, действительно было хорошо. Чернакова точно не было.

– Я тебе так скажу: захочешь выпить, и ты туда попадёшь.

Тайна, однако, у него есть, озадаченно подумал Сергей, или шутит?..

– Я давно хочу выпить, – признался Сергей, – как только покинул борт звездолета. Только негде.

– Но это дело поправимое, в принципе. Как ты понимаешь, невыполнимых желаний нет.

– Даже насчёт женщин?.. – от удивления Сергей забыл закрыть рот.

– Ну... женщин... – покровительственно хмыкнул Пашка. – Зачем тебе женщины? Ты к нашему вулканологу подъезжать не пробовал?

– Конечно, нет, – ответил Сергей так, чтобы его понимали, как угодно, и покраснел. – Она на меня и не смотрит. Придет в забой, заберёт образцы и сваливает.

– Чудак ты, сержант Бабура, бабы смелых любят. Вот я всегда иду напролом.

– И получаешь по мордасам, – съязвил Сергей.

– Ну не без этого, – согласился Пашка. – А что делать-то? Риск он есть риск. Зато какой приз!

– Да-а-а... приз, – кивнул Сергей и почему-то вспомнил о вулканологе Дрониной с точки зрения этого самого приза. Получилось даже совсем неплохо, а главное – соблазнительно, хотя и печально.

Конечно, он не сказал, что у него с Милов Дрониной был роман, который длился восемь месяцев, и что она потом его бросила ради какого-то старого полковника. В принципе, он смирился, но было обидно. Однако нечего болтать на каждом углу, это не мужское дело.

– Слушай... – попросил он Марфина, – ты, когда в следующий раз пойдёшь, возьми меня с собой. Я тоже хочу нажраться назло всем. Тоска смертная. Чую, что начальство водку жрёт втихую, а нам даже понюхать не дают, собаки. Дисциплина, как в учебке. На подложке хоть сухое вино положено. Достало уже! Хочу оторваться по полной.

На самом деле, он хотел забыть Дренину. Она, как заноза, сидела в его сердце, и он ничего не мог с этим поделать.

Пашка оценивающе задержал взгляд на нём:

– Понимаешь, в чем дело, я бы взял, да человек должен быть сверхнадёжным.

– А я что, ненадёжный? – обиделся Сергей. – Мы с тобой в одном забое пашем, как кроты!

– Да нет, надёжный... – нехотя согласился Пашка и поморщился, как от касторки. – Но самый надёжный для меня человек – это я сам! Так что не обессудь... – Пашка театрально развёл руками. – Ты знаешь, сколько ко мне уже подъезжало? Вагон и маленькая тележка! Не могу я! Не могу! Понимаешь?

– Ладно... – обиженно поднялся Сергей и, не глядя на Пашку, затушил сигареты о табурет. – Спасибо тебе, друг, на добром слове. Когда-нибудь и ты ко мне обратишься, – и пошёл к двери, от злости ставя ноги на полную ступню и не замечая холода.

– Чудак человек! – крикнул ему в спину Пашка. – Абалбеть можно! Ежели я проболтаюсь, дорожку все узнают, и начальство тоже!

– Чего это они узнают?! – ехидно осведомился Сергей, полагая, что его хитрость сработала и Пашка разжалобился.

Но Пашка Марфин только на вид казался простаком:

– Я может, тебя, дурака, от бесчестия спасаю, – неуверенно добавил он, глядя на Сергея честными, пречестными глазами.

От тайны, которая окружала Пашку, повеяло такой притягательной силой, что Сергей тут же безотчетно поверил в неё всей душой. Вот, бляха, с белой завистью подумал он, а ведь она действительно существует.

– Возьмёшь с собой или нет?!

– Понимаешь, не могу!

На лице у Марфина отразилось отчаяние. Несомненно, он глубоко страдал, но поступить по-другому или не хотел, или не мог.

– Ну тогда сиди! – пробурчал Сергей, закрывая дверь на тяжёлый амбарный замок, хотя это, конечно, не имело никакого смысла.

Не так он представлял себе первую экспедицию на Марс, когда подписывал контракт в первый марсианский стройбат¹, а полную приключений и азарта. На самом деле, всё было обыденно и тоскливо и быстро приелось, как и любая работа на Земле. С залетом Марфина появилась возможность развеять эту скуку, а получалось, что ты должен только наблюдать со стороны за разворачивающимися рядом с тобой событиями. Так вся жизнь пройдет, думал он. В этом Сергей и видел несправедливость судьбы.

Все последующие дни он в составе сводной бригады расчищал пространство вокруг колонны. Работа обушком была долгой и кропотливой. Капитан Чернаков то и дело покри-

¹ Марсианский стройбат – (сленг), род войск, предназначенный для возведения военных объектов.

кивал и вообще – влезал во все дырки – куда нужно и куда не нужно. В конце концов сержант Мишка Кораллов стал открыто ворчать, а старший сержант Гоша Мамиконов, по кличке Большой, который очень не любил несправедливость, демонстративно бросил лопату в сторону, и бригадир старший сержант Жора Генацаревский в должности старшины бригады послал капитана куда подальше. К чести Чернакова в бутылку он не полез, но эта стычка стоила Жоре минус полтора бонуса, которые ему придется отрабатывать ближайшие полгода. Но бригадира как раз за это и уважали. Он не прогибаться, обладал способностью договариваться с любым начальством и за бригаду стоял горой.

* * *

«Допрос вел полковник Бастрыкин А. П. Из показаний бурильщика Павла Семёновича Марфина.

Вопрос: Где вы были с одиннадцатого по двадцать первое октября сего года?

Ответ: Клянусь, если бы я мог ответить, я бы всё рассказал. А так я не знаю.

Вопрос: Вы ушли по своей воле?

Ответ: Естественно. Исключительно добровольно.

Вопрос: Вы можете объяснить причину вашего поступка?

Ответ: Не могу и не буду!

Вопрос: Что значит, не буду? Значит, причина всё-таки есть?

Ответ: Конечно, есть. И она самая значительная.

Вопрос: Какая?

Ответ: Выпить захотелось.

Вопрос: Выпили?

Ответ: Конечно. Нажрался так, что ничего не помнил.

Вопрос: С кем нажрались, когда и где?

Ответ: Исключительно в гордом одиночестве. Одиннадцатого октября. А где не помню.

Вопрос: Почему не помните?

Ответ: Я же говорю, пьяный был. Я когда пьяный, у меня всю память отшибает.

Вопрос: Но вы помните, что это было одиннадцатого октября.

Ответ: Конечно, помню, у меня ещё был день рождения.

Вопрос: Как вы приобрели алкоголь?

Ответ: Никак. Купил.

Вопрос: На какие деньги?

Ответ: Отдал свой шлем.

Вопрос: Кому отдали?

Ответ: Да если бы я помнил, стал бы я упираться. Рассказал всё как на духу. У меня память отшибло начисто.

Вопрос: Вы понимаете, что вы стали самым крутым залётчиком в экспедиции? Что в таком виде вы нам, собственно, не нужны и даже опасны?

Ответ (уныло): Понимаю. Хотите меня расстрелять?

Вопрос: Успеем. Но вы, понимаете, что ставите экспедицию на грань провала?

Ответ: Чего? С одного раза, что ли?

Вопрос: У вас уже было одно взыскание?

Ответ: Было, но я его честно отработал.

Вопрос: Это второе?

Ответ (уныло): Второе.

Вопрос: Стало быть, с вас можно уже снять двадцать пять процентов денежного довольствия в течение трёх месяцев?

Ответ: Да снимайте, чего уж там.

Вопрос: Но вы же ничего не заработаете?

Ответ: Ясный пень. С вами заработаешь!

Вопрос: Вы будете сотрудничать со следствием?

Ответ (вспыльчиво): А я что делаю?! Я всей душой стараюсь помочь вам, товарищ полковник, но у меня не всегда всё получается!»

На этом допрос прерван до 21:05.

* * *

Старший геофизик Мартисов Крискент Иванович, по совместительству астроном, пояснил:

– Действительно колонна пустотелая. Диаметр двадцать два метра, сорок пять сантиметров. Толщина стенок пятьдесят сантиметров. А длина... – он невольно замолчал, желая произвести эффект.

– Ну говори, не тяни душу, – нетерпеливо попросил генерал Зуев.

– Длина две тысячи метров с копейками, – сказал Василий Звонарёв, главный геолог экспедиции.

– Вот оно в чем дело?... – удивился Зуев и полез в карман за сигаретами, да вспомнил, что бросил курить.

– Ну в общем-то, да, – согласился Крискент Иванович. – При такой длине она должна неизменно прогнуться хотя бы от давления породы. На глубине двух километров давление вообще аховое. А колонна стоит прямехонькая, как спичка.

– Да-а-а... – согласился генерал Зуев, рассматривая карту плато Солнце, словно хотел увидеть на ней все остальные колонны, спрятанные под песчаной поверхностью. – А почему её не заметили?! – ядовито поинтересовался он, глядя на старшего геофизика. – Не заметить такой количество металла надо ещё умудриться!

– Павел Федорович, я самолично проводил контрольные промеры после стандартных процедур геомагнитной разведки. А сегодня поднял все материалы. Эту точку «проходили» три раза, как положено по инструкции.

– Кто был в смене?

– Я лично, – ответил Крискент Иванович.

Генерал Зуев понял, что придраться не к чему. Не такой Мартисов человек, чтобы филонить или подтасовывать результаты. Да и зачем? Зуев не видел никакого злого умысла, потому что все работы были закончены по графику в срок.

– Ещё одна загадка Марса, – сказал молчавший Василий Звонарёв.

Этих загадок они получали по десятку в день от таких мелких, как свойство марсианской пыли, которая лезла во все щели, до периодически возникающих низкочастотных сигналов из глубин планеты. Эти сигналы кочевали от карстовых пещер до мантии, практически по всем широтам. По аналогии с Земными явлениями, сигналы, не мудрствуя лукаво, назвали «зубанка». Обычно такая «зубанка» возьмёт две-три длиннющие ноты, а то и целую мелодию исполнит на низких частотах и пропадет, чтобы появиться за десять километров к северу или к югу. Никто, ничего не понимал. Замечено было только, что явления эти связаны с сезонным таянием снежных шапок на полюсах планеты. Теперь добавилась новая тайна в виде железных колонн. Разбираться во всем этом придётся по ходу дела, подумал генерал Зуев, главное – построить Городок-Один.

– Какие ваши предположения?

– Такие объекты не могут быть естественными. Возможно, это шахта, – сказал Крискент Иванович.

– Да, для лифта! – с сарказмом вставил Василий Звонарёв.
– Но почему же?! – взвился Крискент Иванович. – Разве не может быть просто шахта? Например, техническая?
– А почему шахта не для лифта? – желчно упёрся Звонарёв.
– А почему бы нет?! – вылупился Крискент Иванович.
– Ладно, ладно! – успокоил обоих генерал Зуев. – Существуют ли другие объяснения, более простые, кроме шахт?
– Конечно... – начал Крискент Иванович.
– Существуют! – перебил его Звонарёв. – Ещё как существуют и более простые объяснения, но у нас с ними проблемы! – он почему-то уничижительно посмотрел на старшего геофизика.
– Это у вас проблемы! – не удержался Крискент Иванович.
– Нет, это у вас, уважаемый!
– Всё! Хватит! – прервал их генерал. – Спорить будете во внеслужебное время. А теперь, – сказал он, – надо определить, насколько опасна колонна, что внутри, и можно ли продолжать строить в низине Феникса. На всё про всё вам три дня. Задействуйте всех людей, которых сочтете нужным.

* * *

«Допрос вел полковник Бастрыкин А. П. Из показаний бурильщика Павла Семёновича Марфина.

Вопрос: Как вы получили ранение?

Ответ: Да пьянство, разумеется. Будь оно неладно.

Вопрос: Расскажите подробно, как это произошло?

Ответ (в запальчивости): Он мне сказал!.. Я ему ответил! Подскочил третий! Я ему тоже ответил!

Вопрос: А куда делся второй?

Ответ (в запальчивости): Упал под стол! И тут прибежал пятый в форме!

Вопрос: А четвертый?!

Ответ (в запальчивости): Четвертый пускал кровавые пузыри – я его попинал немножко. Пятого я тоже попинал и шестого и седьмого! Классная драка была! Абалбеть можно! Но они против меня все какие-то хлипкие были. А потом появился, не знаю, какой по счету. Вот он меня и приговорил. Копыта у него ещё были вместо ног.

Вопрос (в запальчивости): Что же ты, боец, оплошал?

Ответ: А чёрт его знает! Пьяный был, плохо соображал.

Реплика: За то, что ты дал себя побить, ещё три дня ареста!

Ответ: Есть!

Вопрос: Сержант Марфин, ты вообще нормальный человек?

Ответ: Ну?..

Вопрос: Соображаешь, что ты говоришь?

Ответ: Ну?..

Вопрос: С кем ты дрался?

Ответ (уныло): Я их не запомнил.

Вопрос: Кто тебя лечил?

Ответ (уныло): Не помню. Темно было.

Вопрос: Что ты вообще думаешь о своей жизни?

Ответ (ехидно): Расстреляете, наверное?

Вопрос: А ты как думаешь?

Ответ (ехидно): Я не думаю, я человек маленький. Буду первым расстрелянным на Марсе...

Реплика: Ладно, вы своего, сержант Марфин, добились. Спишем вас с первой же ракетой.

Ответная реплика: Вот это правильно! А то здесь скучно и постно, как в церкви.»
На этом допрос прерван в 23:15.

* * *

После допроса с Марфина сняли арест, потому что рабочих рук катастрофически не хватало. Пашка пришёл в третий бокс, хотя жил в пятом, завалился на койку Мамиконова, положив ноги в дырявых, пахучих носках на спинку, и произнёс сакраментальную фразу:

– Полковник Бастрыкин решил взять меня на понт! Ха-ха-ха! Абалбеть можно!

– А чем? – живо поинтересовался Есенья Цугаев, отрываясь от зеркала. По его кавказской щеке ползла пена, смешанная с чёрными волосами. Сросшиеся брови на лбу придавали ему зверский вид.

Даже спокойный Вовка Жуков, похожий, как две капли воды, на Есенина, отложил книгу и с удивлением посмотрел на Пашку – чем его можно было прищучить, если он ничего не боится?

– Грозился отправить с первой же ракетой на Землю! Мол, на мне уже креста нет!

– А что он не прав? – наивно спросил Есенья Цугаев, который имел странную привычку бриться на ночь. – Мы за тебя здесь вкалываем, а ты бухаешь где ни попадаешь?! Вах!

Есенью побаивались, особенно, когда он хватался за свой кавказский тесак, но до крови ещё не доходило. Как он провез такой тесак, никто не имел ни малейшего понятия. На выходе из космолета всех обыскивали, как на самой крутой таможне. Когда его спрашивали об этом, он дела свирепый вид и важно надувал щёки. «Уметь надо», – отвечал он сквозь зубы.

– Мужики! – так проникновенно и честно воскликнул Пашка, что все прослезилась, – вот, бля буду, такой случай подворачивается один раз в жизни. Ну не устоял я, понимаете?!

– Так пусть и отправит! – сказал Сергей. – Тебе-то что? Даже лучше!

Пашка отмахнулся от него, как от мухи. Новичок есть новичок – много он понимает?! Сергей обиделся и замолчал. Он понял, что Пашка мутный, что он всегда будет сам по себе, что на него положиться нельзя, что даже время его не вылечит. Не тот Пашка человек.

– Не отправит, – веско пояснил Вовка Жуков, даже не взглянув на Сергея, зато резким движением головы встряхнул своим есенинским чубом.

Сергей опять почувствовал себя одиноким в коллективе и чужим на этой планет, даже мысли о Дрониной показались ему ничего не значащими с его великим одиночеством на глубине ста двадцати метров в чреве Марса.

– Почему? – настороженно спросил он. – Ведь у нас в контракте сказано, что при экстренных условиях возможна эвакуация?

– Ты что, дурак? – спросил Пашка, – или прикидываешься? Кто ради тебя будет гонять ракету?!

– Как кто? Так они же прилетают каждые восемь месяцев?!

– Это ещё не факт, – степенно объяснил Есенья Цугаев, цокая языком в конце фразы. – Из них на орбите станцию строят. А настоящая транспортная ракета может прийти не раньше, чем через пятнадцать земных лет.

– Как? – удивился Сергей и сел на койке, ожидая, что все рассмеются шутке.

Но Цугаев снова принялся за бритьё, а Вовка Жуков загибал и разгибал страничку в книге грязным ногтем.

Вот он – величайший подвох, которого я подспудно ждал, подумал Сергей. Слишком мало было желающих лететь на Марс. Как оказывается теперь – в одну сторону. Вот почему в первый марсианский стройбат набирали добровольцев среди военных. Вот я дурак-то! Вот козёл! Вот попал! На мгновение он потерял связь с реальностью. Он увидел брата Илью, который осуждающе качал головой. «Эх, Сергей, Сергей... влип ты по самые яйца! Пожалуй, я на Марс не полечу!»

– А вот так! Великое противостояние между Марсом и Землей случается раз в пятнадцать лет, – уверенный голос Вовки Жукова вернул Сергея в реальность.

– Раньше не получится! – засмеялся Пашка, глядя на изумленное лицо Сергей. – Ты на сколько лет подписал контракт?

– На три года... – нехотя отозвался Сергей.

– Ну и забудь о нём. Пока ракеты летают в одну сторону, мы расходный материал.

– Недаром набирали одних неженатых... – добил Пашка.

– А как же?.. – Сергей обернулся, словно за спиной у него было открытое пространство планеты со всеми морями, плоскогорьями и вершинами.

Он хотел спросить о всеобщей несправедливости, но, конечно, не спросил, а то бы засмеяли окончательно.

– Тебе сколько? Двадцать? Двадцать один? – спросил Вовка Жуков. – Мне двадцать два. И я знаю, что вернусь на Землю в лучшем случае к сорока годам, но... зато миллионером!

Все засмеялись. Только в этом смехе не было радости, а одна надорванность.

– Это же полжизни! – воскликнул Сергей, пропуская мимо ушей упоминание о миллионах, о которых майор-вербовщик с ним даже не говорил.

– Вот то-то же и оно, – наставительно сказал Есень. – Ты главное настройся, а то с ума сойдёшь, вот как Пашка.

– А чего я? – безмерно удивился Пашка. – Я в норме. Захотел и буханул. Кто быстрее приспособится к планете, тот и выиграл. В следующий раз я вас всех с собой возьму, – пообещал он, но ему никто не поверил.

Жуков уткнулся в книгу, а Цугаев продолжил бритье, глядя в зеркало. Сергей принялся разочарованно изучать потолок – подвох оказался слишком неожиданным. Сидеть на Марсе полжизни – это явное надувательство. Но может быть, не всё так плохо, может быть, ребята что-то не договаривают? Уж слишком они все спокойные. Никто не бьется головой о стену и никто не кричит: «Караул! Обманули!!!» Или как Марфин: «Абалбеть можно!» Что же делать? Что?! Бежать! – подумал Сергей. Но куда?! Вместе с пройдохой Пашкой, сообразил он. Единственный выход.

– Мы в Севастополе для кайфа пили пиво с одеколоном... – начал травить Есень. – Никто не пробовал?

– С каким? – Сергея аж передёрнуло.

– С тройным!

– А ты не пробовал водку с говном? – осведомился Вовка Жуков. – С собачьим?

– А-ха-ха-ха!!! – довольный засмеялся Есень, разбрызгивая по боксу пену.

В этот момент Городок-Один тряхануло, а через мгновение, в течение которого все недоуменно переглядывались – ещё раз, но слабее, зато возник странный нарастающий свист, который оборвался на высокой ноте. В боксе повисла пыль.

– Так, кончай базар! – заглянул Жора Генацаревский. – У нас аврал! Второй забой затопило!

– Чем?! – безмерно удивились все, вскакивая, как ужаленные, и поспешно одеваясь.

– Как чем? – спокойно отозвался Жора. – Водой, чем ещё?! Не пивом же?

Сергей на мгновение позавидовал его спокойствию. Здесь такое творится, а он стоит себе и ждёт, когда бригада оденется. Жора Генацаревский для него идеал выдержки и демократии. Сергей невольно равнялся на него.

– А откуда вода? – спросил Вовка Жуков, прыгая на одной ноге, а второй пытаясь попасть в штанину рабочего комбинезона.

– Да учёная блядь просверлила дырку в колонне, а оттуда под давление в сто атмосфер – струя воды. Большой и Мишка Кораллов едва не утопили.

Оказалось, что учёные, не будь дураками, доверили вскрывать колонну буровикам, а сами отсиживались в жилой зоне. Благо, что в забое поддерживалось высокое давление, что позволило бурильщикам унести ноги. Первый и второй кессоны не выдержали, и только третий спас положение – вода нашла себе другой путь наружу: выбила перепускные клапаны в вентиляционном штреке и, взметнувшись на высоту двух тысяч метров, со свистом испарилась в течение минуты, пока не упало давление в забое. Естественно, всё, что оказалось рядом было затянуто в эту воронку и опустилось на поверхность планеты в радиусе десяти километров. Прав был, ох как прав был главный строитель Алексей Баранов, который упёрся и вопреки всем доводам об экономии времени и ресурсов вынес командный пункт на скалы, а вход в жилую часть сделал в берегу озера, а не рядом со стволом, иначе бы весь Городец-Один затопило бы в мгновение ока.

Теперь оставалось только одно: нырнуть в вентиляционный штрек, добраться до злополучной колонны и заварить отверстие. Всё это Жора выложил бригаде, пока она добиралась до места аварии. Там уже находилось необходимое оборудование, которое подвезли из складов.

Операцию поручили Сергею Бабуре, который прошёл соответствующую подготовку на базе ВМФ РФ в Балаклаве. У него одного были корочки водолаза первого класса. Помогать ему вызвался никто иной, как Пашка Марфин. Жора вначале хотел послать Есеню, но Пашка так слезно и искренне просил, что Жора, скрепя душой, согласился. Лезть в штрек в костюме с подогревом не имело смысла – можно было застрять. Поэтому Сергей поступил так, как поступил бы на Земле, надел два комплекта верблюжьего белья, легкий гравитационный скафандр для работы в забое, и Сергея вместе со сварочным аппаратом опустили на лебёдке до уровня воды, которая поднялась не выше двадцати метров над забоем. Затем он отцепился и шлёпнулся в чёрную воду. Следом спустили Пашку с запасными баллонами.

В забое царил кромешная тьма. Две пары фонарей на шлемах едва прорезали толщу воды, в которой плавала ледяная крошка и муть. На их счастье они быстро обнаружили колонну и в два счета заварили отверстие. После чего в забой кинули два шланга и откачали воду. Через час бригада вошла в забой через кессоны и занялась разборкой завалов. За суетой, работой и нервотрепкой, которую, как всегда вносил капитан Чернаков, уже после того, как Сергея отпоили горячим чаем с дефицитным консервированным лимоном, выяснилось, что Пашка Марфин снова пропал.

– Ну теперь окончательно и бесповоротно... – с надеждой высказался бригадир Жора, не глядя ни на кого. Должно быть, ему было обидно, что Пашка с ним не посоветовался.

И все как-то странно на него посмотрели: то ли с облегчением, то ли тревогой. Сергей, укутанный тремя одеялами, обильно потев от горячего чая, думал: «Зачем я сюда прилетел? Зачем?» Ему было тоскливо и одиноко. Подошёл Вовка Жуков и протянул стопарик с медицинским спиртом – мол, врачаха прислала, пей, а то заболеешь. Всё, понял Сергей, теперь я свой. Он выпил спирта, его немного развезло, и ему сделалось спокойно и хорошо в бригаде.

Глава 2

Подземный город

Колонну забетонировали. Технику вытащили, и главный механик Гусев принялся над ней колдовать. В условиях жесточайшего дефицита запчастей и вообще – даже металла, его работа походила на чудеса фокусника. Он из ничего собирал разбитую технику, как хирург – человека после ДТП. Самое интересное, что она работала. Аварийный участок завалили породой, сделали пробку, принялись прокладывать туннель в другую сторону и сразу же наткнулись на двухметровый пласт самого настоящего угля марки «антрацит», что указывало совсем не на общепринятую картину истории Марса. Но это было ещё не самой лучшей новостью.

Утром старший геофизик Мартисов позвонил генералу Зуеву и голосом, в котором не было никаких эмоций, сообщил, что колонна не регистрируется приборами.

– Как это так? – удивился Зуев.

– А вот так. Накануне была магнитная аномалия, а сегодня нет.

Зуев грязно выругался, не стесняясь жены, которая прихорашивалась у зеркала.

– Поставьте датчики в этой точке!

– Уже...

– Что, уже?

– Уже поставили. Всё что можно облепили!

– Хорошо, а я попрошу орбиту регулярно снимать аномальную магнитуду, хотя вряд ли это поможет, если она так часто пропадает.

– Добро, – согласился Мартисов.

На этом и порешили. Всё равно мы большего сделать не можем, подумал Зуев. Лезть внутрь колонны и изучать её слишком опасно. Наша задача строить городок. Оставим эту загадку следующей партии. Зуев, как и все, втайне надеялся улететь на Землю после окончания контракта, но понимал, что это пустые мечты. Слишком старым он был для этого – аж сорок пять лет. Поэтому, стиснув зубы, он и работал и работал. Хорошо ещё, что Светка держится, думал он, поглядывая на жену, а не закатывает скандалы. На Земле у них остались сын, невестка и внук, которого в честь деда называли Пашкой.

– Ну что, милый, идём, завтрак на столе, – позвала она.

Генерал – единственный, кто пользовался привилегией питаться в домашних условиях. Все остальные посещали столовую.

Генерал надел армейский свитер и вошёл в столовую. Низкое марсианское солнце как раз светило в окно. До самого берега убегала гористая равнина озера с резкими чёрными тенями от малейших неровностей. К полудню тени сглаживались. Даже небольшой кратер без названия, с залежами голубого «теллурия» по краям выглядел зловеще, как дыра в земле. За высокой береговой линией виднелись ещё более высокие пики вулканов, которые торчали на фоне почти чёрного горизонта. Раз в полгода налетал марсианский шторм. Тогда всё затягивала рыжая хмарь и в окна стучали мелкие камушки.

После Москвы и долгого полёта на звездолёте, Зуевы вначале никак не могли привыкнуть к такому пейзажу, но постепенно стали находить его красивым и даже пытались предсказывать погоду, но пока ещё ошибались: то неожиданно-негаданно налетали вихри, которые с лёгкой руки ученых называли «дьяволами», то внезапно поднимался ветер, который нёс, как позёмку, мелкий марсианский песок, и воздух становился мутным, как вода в протухшем аквариуме.

– Ты знаешь, дорогой, что у твоего Марфина ранение было нанесено термическим оружием?

– Извини, я не успел почитать твой отчёт.

– Ничего, Павел, я тебя прощаю, хотя последнее время ты стал очень невнимательным.

Светлана Андреевна потянулась за мармеладом. Она слишком хорошо знала своего мужа, чтобы утруждать себя лишними разговорами.

– Что поделаешь... – думая о своём, возразил Павел Федорович, – живём в отсутствие магнитного поля...

Слабое магнитное поле Марса приводило к психическим расстройствам. Этот феномен назывался «психопараболой», потому что четко вписывался в соответствующий график. В фокусе «психопараболы» учащались «болезни души», как любила выражаться Светлана Андреевна, а цикличность фокуса была напрямую зависела от времени года.

Павел Федорович был крупным мужчиной. Голову он брил и находил это очень удобным. Его все боялись. Боялись его грозного баритона. Жена же помнила его высоким и худеньким юношей с курчавой шапкой волос, которая редела по мере того, как их семья моталась по военным спецобъектам. Павел Федорович всю жизнь строил шахты для ракет и подземные коммуникации различного назначения.

– погоди, погоди... – удивился Павел Федорович, – ты хочешь сказать, что его подстрелили?..

– Да, милый, его ранили из лазерного оружия или из чего-то подобного.

– Слава богу! – воскликнул генерал. – А я уже грешным делом решил, что у нас криминал завёлся. Значит, это не наши архаровцы?!

– Конечно, не они, милый, – подтвердила жена. – Хочешь ещё сыра?

– погоди, погоди... – остановил её генерал. – Тогда это ещё хуже?!

– А я тебе, о чём толкую уже битых полчаса!

Генерал снова грязно выругался.

– Павел!.. – укоризненно покачала головой жена.

Павел Федорович в сердцах отодвинул чашку с чаем:

– Час от часу не легче!

– Павел, держи себя в руках.

– Я уже думал, что проходчики просто гонят самогон из табуретки, а они учудили чёрт знает что!

– Учудили, милый, учудили, – поддакнула жена.

– Так! – произнёс генерал. – Надо принимать серьёзное решение!

– Правильно, милый, правильно. Но чай свой допей и бутерброд доешь, а то к обеду проголодаешься.

Генерал пил чай и думал. Если я не приму никаких мер, то на Земле меня не поймут. Если же я приму хоть какие-то меры, которые могут и не дать положительного результата, я всегда смогу оправдаться. Он позвонил своему заместителю по безопасности полковнику Бастрыкину и назначил совещание на восемь часов утра местного времени.

* * *

Снова потянулись безрадостные дни, наполненные однообразной работой. Снова капитан Чернаков орал, как укушенный шершнем. Снова лопались шланги, рвались гусеницы и цепи. Снова Гусев проявлял чудеса изобретательства. Только все чего-то ждали и курили, курили, курили. В боксах всё чаще повисала напряженная тишина. Никто не качался в спортзале, не играл в шашки, домино или нарды. Не было слышно обычного смеха. Даже балагур Мамиконов прекратил отпускать свои шуточки насчёт бритья Есени на ночь. А сам Есени

бриться забывал. Вовка Жуков ежечасно не расчёсывал, как обычно, свой есенинский чуб, а Мишка Кораллов бросил чистить зубы. Всё равно это никому не нужно, рассудил он. Потом Есенья сцепился с Денисом Бурко из первой бригады. Их едва растащили.

Напряженность разрядилась самым неожиданным образом. Из Городка-Два прибыло два человека: капитан Николай Ермолаев и рядовой Петров, которые собрались искать Марфина. Жора Генацаревский построил бригаду и словно невзначай спросил:

– Добровольцы есть?..

Сергей неожиданно для себя сделал шаг вперёд:

– Я!

– Так... молодец! – обрадовался бригадир, хотя ему было жать расставаться с ловким парнем. – Кто ещё?

Он надеялся, что больше никто не вызовется, ведь, судя по всему, дело нешуточное. Ещё никто никогда ни за кем не гонялся по Марсу. И тогда он властью, данной ему, выберет кого-нибудь из нелюбимчиков, например, Вовку Жукова, которого считал дюже умным.

– Я тоже! – отозвался Мамиконов басом.

– Большой, тебя потянуло на гульки? – удивился Жора.

По бригаде пробежал смехок. Жора и Мамиконов по кличке Большой дружили, и Жоре не хотелось отпускать его. С кем он будет травить анекдоты за украинское сало и дуться в преферанс на щелчки?

– Да нет, – признался вальяжный Мамиконов, – просто надоело сидеть в забое. Хочу прогуляться, кости размять.

– Ладно, твое право, Большой – согласился Жора. – Но смотри, без подвигов. Ты ещё должен здесь вкалывать.

По бригаде пробежал смехок погромче.

– Есть, вкалывать! – обрадовался Мамиконов.

И они стали собираться.

Неожиданно позвонил капитан Чернаков и поручил Сергею Бабуре доставить образцы породы главному вулканологу. Это его взволновало. Правда, он не разобрался, что его больше волнует: сам факт прогулки под открытым небом или Мила Дронина, в которую он целых восемь месяцев был влюблен. Приказ исходил от капитана Чернакова, а не от бригадира Жоры Генацаревского. Это значило, что вулканолог Дронина не хотела огласки и действовала в обход непосредственного начальства Сергея: то ли для того, чтобы он избежал насмешек со стороны сослуживцев, то ли она была страшно занята и ей было всё равно, кто принесёт образцы. Вот сержант и подвернулся под руку. Хотя всё это могло быть плодом возбужденного воображения Сергея. Может быть, не было ни того и ни другого, а просто чистая случайность, как обычно бывает в жизни. Тем не менее, когда он выскочил из лифта и миновал последний шлюз, его охватило волнение. Тёмно-синее небо было бездонно-глубоким, несмотря на то, что марсианское солнце висело в зените. Оно будет висеть так долго-долго, на целый час дольше, чем на Земле. К такому «долгому» солнцу трудно было привыкнуть. От холмов и скал тянулись короткие тени, в разреженной атмосферы они были не такими, как на Земле, а резкими, как день и ночь, как «да» и «нет», как чёрное и белое в своей сути.

Командный пункт находился в трёх километрах в скале, хрупкой, как стекло, но не менее надежной на этой инертной планете. По крайней мере, она считалась инертной, и все так думали.

Сергей не взял рабочую тележку, которые стояли в гараже у входа в кессон, а решил прогуляться пешком. Когда ещё выпадет такая возможность, услышать марсианский ветер, подумал он, выбираясь из косой тени бункера.

Он спустился по металлической лестнице, с удовольствием ощущая, как решётка – самая простая защита от вездесущей марсианской пыли, позванивает под ногами. Было тепло, градусов пятнадцать, и РС² работал тихо и надёжно, обогащая дыхательную смесь и контролируя температуру внутри скафандра.

Как только Сергей вышел из тени, стекло шлема потемнело, и на нём зелёным цветом высветилась индикация жизнеобеспечения и курсор маршрута. Впрочем, он его отключил, потому что видел, куда надо идти. В отличие от рыжей окружающей местности, тропинка была белесой и без камней и кристаллов магнетита. И вообще, вся равнина озера давно была изъезжена думперами во всех направлениях, так что в этом отношении ничем не отличалась от любой мало-мальски огромной земной стройки. Куда ни кинь взгляд, везде торчали вешки и кучи сграбленной породы, на скалах – реперные знаки с маячками, которые приятно светились в темноте и создавали иллюзию обжитого места. Так что с орбиты сразу было видно, что здесь строится Городок-Один.

Озеро Феникса располагалось в самой северной части плато Солнца, почти на экваторе, совсем недалеко от долины Маринера. Собственно, эта долина и была основной целью после строительства Городка-Один. Генерал Зуев даже один раз на свой страх и риск закинул туда группу из пяти человек. Так велик был интерес к этой долине, где, вероятнее всего, сохранилась марсианская жизнь. Они действительно что-то нашли, но не сочли нужным довести до сведения рядового состава. Об этом судачили ещё до прилета Сергея, пока Пашка Марфин не ушёл в загул. Видать, это было самой большой тайной экспедиции, а может, и не было никакой тайны, а был один бункерный трёп? Кто его знает? По крайней мере, Сергей считал, что ничего там не нашли, ну, может, какую-нибудь плесень. Тоже мне открытие, пренебрежительно думал он. Вот если бы – марсианина, это другое дело. А плесень я и сам могу найти, если очень хорошо покопаюсь хотя бы вон в той куче, где сохранился лед.

Как только Сергей достиг командного пункта, на западе стали заметны верхушки трёх вулканов: Арсия, Павлина и Аскрия. Они дрожали в разряжённом воздухе и казались огромными, мрачными тенями, тянущимися к Солнцу.

Над скалой торчали антенны и пункт слежения, в котором, как божок, восседал капитан Чернаков. Сергей вошел в кессон, потом миновал ещё два и только после этого, откинул стекло шлема. Эти гравитационные скафандры в отличие от рабочих, были напичканы электроникой и предназначались для работы при низком атмосферном давлении, в них можно было гулять по планете. Снимались такие скафандры при соответствующей команде компьютера. Нано-ткань теряла упругость, и скафандр сползал с тела, как чулок с ноги.

Сергей поднялся по лестнице на третий этаж и постучал в дверь лаборатории.

– Войдите, – услышал он, вошёл и поставил сумку у двери.

Мила Дромина сидела перед компьютером за столом.

– Принеси сумку сюда, – велела она, взглянув, как ему показалось, весьма строго.

У Сергея сладко ёкнуло сердце, но он решил сделать вид, что её чары больше не властны над ним. «Я люблю Вареньку, я люблю Вареньку», – твердил он сам себе. На самом деле, стоило Дроминой появиться в забое или, как сейчас, взглянуть на него – внутри у него пели все трубы и били литавры, а ещё он слышал небесную музыку ангелов. Чёрти что! – думал он, но поделаться с собой ничего не мог.

– Ну чего ты молчишь? – спросила она.

Вулканолог Дромина была красивой и самоуверенной женщиной. Чего её потянуло на этот Марс? – отчуждённо думал Сергей. Таким место где-нибудь на Рублевке, с каким-нибудь богачом, а не здесь, в богом проклятой дыре.

– Я не знаю... – сказал он со вздохом.

² РС – регулятор системы жизнеобеспечения внутри скафандра.

Единственное, что он себе позволил, тайно вдохнуть запах её волос – такой знакомый, что сердце у него бешено заколотилось. Сидела бы себе на Земле и не соблазняла бы никого, подумал он со злом.

У Дрониной были карие глаза, блестящие каштановые волосы и лицо вечного подростка. Сложена она была изящно и грациозно. Такие женщины обращают на себя внимание. В обществе они служат шапкой раздора среди мужчин. Впрочем, то же самое происходило и здесь. Поговаривают, что Гусев и Звонарёв пару раз схлестывались из-за неё. В результате она никому не досталась. Звонарёв небезуспешно переключился на биолога Аллу Веселову и даже собирался на ней жениться. А Гусев вообще остался с носом и завел себе подругу за две тысячи километров – в Городке-Два. Говорят, что она была толста и неопрятна, но на Марсе теперь на это мало кто обращал внимание.

Мила Дронина была одета в легкомысленный белый халатик, и её изящные стройные ноги были спрятаны под столом. Сергей так давно не видел Милу, что даже игра теней под столом и светлая, изящная шейка с завитками волос сотворили с ним чудо под названием напрасные надежды. Ах, как хорошо он знал эту игру, но неизменно в неё проигрывал, потому что был нетерпелив и горяч.

– Ты уходишь в эту чёртову экспедицию? – спросила Мила и подняла на него глаза.

У него тут же отнялся язык, а злость испарилась, как утренний туман:

– Да... – ответил он и добавил, – нет... я не знаю... мне кажется...

– Так нет или да? – спросила она с чарующей усмешкой и встала.

Ему пришлось сделать шаг назад, иначе бы они прикоснулись друг к другу, и тогда мог вспыхнуть пожар. Оказалось, что в скафандре он гораздо выше, и что находиться в скафандре ему безопасней со всех точек зрения. Но боже мой, мелькнуло у него, она сводит меня с ума! Сердце у него билось, как птица в клетке.

– Да, Сереженька, – сказала она, – я знаю, – и очень пристально посмотрела ему в глаза. – Прошу тебя, будь осторожен. А я буду тебя ждать!

– Что?! – удивился он. – Что? – и схватил её за руки.

Даже сквозь перчатки скафандра он ощутил, какая она тонка и грациозна. Она поднялась на цыпочки и поцеловала его в губы и прошептала, всё ещё кокетничая:

– Что слышал...

– Ты сказала, что будешь ждать меня?

– Буду, – она смотрела на него смело и требовательно, но те искорки в её глазах, которые сводили его с ума, так и не пропали.

Тогда он решился:

– А... он?

– Кто, он? – удивилась она.

– Ну... полковник?..

Он боялся посмотреть ей в глаза и увидеть в них правду.

– Господи, какой ты глупый, Сереженька. Все мужики на этой чёртовой станции считают долгом преследовать меня, словно им больше делать нечего.

– Ты хочешь сказать?.. – На этот раз он не отвёл взгляда.

– Я хочу сказать, что мне стоило больших усилий отшить всех ухажеров.

– А почему ты мне ничего не сказала?

Глаза у неё были чёрными и бездонными, он утонул в них.

– Ещё раз глупый. Ты сержант, они бы тебя сгноили при первой возможности. Съели бы без соли. Теперь, когда всё позади, я хочу, чтобы ты вернулся живым и здоровым.

– А ты?..

Этот глупый вопрос вертелся у него в голове, как юла. Но он так хотел услышать на него ответ, словно в этом заключался весь смысл его марсианской жизни.

– А я буду ждать тебя, – она поправила что-то из экипировки у него на шее. – Вернешься, и мы что-нибудь придумаем.

– Повтори! – потребовал он, вцепившись в неё взглядом.

Но вместо ответа она нежно поцеловала его в губы.

– Вернешься, и мы переведемся на станцию-три. Там мало народа, и нам не будут мешать.

– Ладно! – ошалело сказал он. – Я вернусь! А ты дожись!

– Беги, – сказала она. – Тебя уже, наверное, ищут.

– Да, да... – бормотал он, погружая лицо в её волосы и вдыхая их запах.

– Беги, беги... – она подтолкнула его к двери.

– Да, да... – он выскочил в коридор, как на крыльях.

Единственное, всё было сделано не по его натуре. Лично он пошёл бы напролом, и пусть кто-то попробовал бы его остановить! Но пока дошагал до жилого отсека, пришёл к выводу, что Мила права: и не таких героев обламывали, тем более в армии.

* * *

Вначале Сергей сгоряча хотел отказаться от участия в экспедиции, но когда увидел в жилой зоне полковника Бастрыкина, незнакомого капитана и белобрысого незнакомого рядового, то понял, что отступать некуда – никто не поймёт и даже понимать не захочет, а положение в бригаде, которое он заработал с большим трудом, можно было потерять в одно мгновение.

– Тебя за что сюда? – спросил Сергей у рядового, копаясь в груди снаряжения.

– Не за что, – буркнул рядовой. – Так надо.

Сергей понял, что он вовсе не рядовой, а гражданский специалист, просто выглядел молодо, лет на восемнадцать. Позже выяснилось, что он спортсмен, альпинист, каратист и так далее, и что его взяли, потому надо лазать в горах и потому что у экспедиции практически не было оружия, не считая пистолетов АПС³ у полковника и капитана. Ну да, успокоил себя Сергей, на кого здесь охотиться? На мамонта, что ли? Так, по крайней мере, объяснил им полковник Бастрыкин, когда Мамиконов обиженным голосом спросил насчёт оружия.

– В нашей экспедиции оружия нет, кроме личного, поэтому попрошу быть внимательными и докладывать обо всех происшествиях.

– А куда мы идём? – спросил Сергей.

Ему казались странным обстоятельства появления и исчезновения Пашки Марфина. Где это видано, чтобы человек испарялся из практически закрытых помещений. Интересно, знает ли об этом начальство? Лично он никого ни в чём просвещать не собирался. Армия его научила не совать нос в чужие дела – себе дороже.

– Аэроразведка обнаружила недалеко пещеры и следы, сообщил полковник таким будничным тоном, словно речь шла о заблудившейся кошке.

– Чьи? – удивился Гоша Мамиконов.

– Полагаем, сержанта Марфина.

– А-а-а... – произнёс поражённый Мамиконов.

На его лице отразилось недоумение. Он тоже сообразил, что эти следы могут быть вовсе и не Пашкиными. Чёрт, какая здесь ещё зверюга бродит? – подумал он и едва не перекрестился.

³ АПС – автоматический пистолет Стечкина.

– Да, собственно, – продолжил распространяться полковник Бастрыкин, – мы обследуем берег озера и вернёмся. Экспедиция рассчитана на три дня. Если найдём Марфина раньше, естественно, вернёмся раньше.

– А если вообще не найдём? – спросил Сергей.

Вопрос полковнику не очень понравился, и он промолчал.

– Тогда, – вмешался в разговор капитан Ермолаев, – будем считать, что боец пропал без вести.

– А почему нельзя воспользоваться «планшетником»? – никак не мог уговорить Сергей.

– Понимаете, товарищ сержант, – веско сказал полковник Бастрыкин, – эти следы мы видели и с помощью «планшетника», но они уводят в пещеру, а там темно.

Ага, сообразил Сергей, значит, следы человеческие. А ещё он подумал, что с «планшетником» так не бывает. «Планшетник» есть «планшетник» – это 3D карта. Её только можно глушануть и закрыть информацию. Так у них просто копия! – сообразил Сергей. Дрянная земная копия. А с копией много не навоюешь.

– А откуда тебе известно о «планшетнике»? – спохватился полковник. – Это государственная тайна!

Сергей только тихо хмыкнул на его наивность. Если бы полковник Бастрыкин знал, что Сергей был самым молодым сталкером и три года до армии провел в Чернобыльской Зоне, то ничего не спрашивал бы, а посадил бы Сергея под замок, потому что сталкеры Чернобыля вне закона. Особенно, после третьего взрыва, который разнёс Зону в пух и прах и заразил радиацией огромные территории. Считалось, что это дело рук чёрных сталкеров, что они сделали в отместку за преследование, а их как раз выслеживали и уничтожали как террористов. А если бы он ещё и знал, что Сергей с малолетства ходил в группе с легендарным Калитой, то вообще достал бы свой огромный АПС и с огромным удовольствием продырявил бы Сергею башку. Но ничего этого полковник не знал, а видел перед собой ловкого, порывистого юношу с угловатыми чертами лица и пронзительно-чёрными глазами, в которых сквозила ранняя уверенность, если не наглость.

– Смотри, что я на всякий случай взял, – похвастался Мамиконов и показал Сергею длинный штык от АКМа.

– Откуда?

– Места знать надо, – хитро ответил Мамиконов. – Но тебе, как другу, скажу, покопался в мастерской у главного механика Данилы Михайловича Гусева. Чего там только нет!

– А для меня ничего не нашёл?

– А как же, обижаешь. Ты пока к своей Милке бегал, я тебе вот что надыбал, – и сунул в ладонь Сергею кастет.

Сергей был настолько обескуражен тем, что бригаде известно, куда и зачем он ходил, что даже не расстроился из-за кастета, которым можно было драться разве что в ближнем бою.

– Чудак человек, – стал увещевать его Мамиконов. – Да с таким оружием не пропадёшь. Один удар – и голова с плеч. Ты его спрячь подольше от глаз полковника, а то он у нас дюже правильный, гляди, как он тебя завернул насчёт «планшетника». А в самом деле, откуда ты знаешь о «планшетниках»?

«Планшетники» были самой большой тайной России. Впервые их нашли в Тунгусской Зоне и больше нигде в мире не находили. Из-за этого даже разразилась маленькая локальная война. Все валом попёрли в эту самую Зону: и китайцы, и пиндосы⁴, и немцы и даже арабы

⁴ Пиндос – (сленг) слово, применяемое для пренебрежительного названия граждан США, в особенности американских военнослужащих, действующих за границей.

разных мастей. Так что за Зону пришлось вначале повоевать, а потом сделать вокруг неё укрепрайон, так что ни одна мышка не могла проскочить внутрь или выскочить наружу. Зато с помощью «планшетников» можно было путешествовать в любых масштабах, по любым мирам, какие были заложены в них. По сути, «планшетник» – это 3D карта всех миров, в том числе и Марса. С «планшетником» ходили по Чернобыльской Зоне и по всем другим Зонам, которые открылись после третьего взрыва. Поэтому Россия и сделала колоссальный рывок на Марс, сэкономив время и ресурсы на исследованиях. Но оказалось, что даже с «планшетником» не все тайны открыты и что на всё требуется время. У Калиты тоже был настоящий «планшетник», даже не один, а целых два. Поэтому Сергей и был сведущ в этом деле. Полковник некоторое время косился на него, а потом вроде как забыл о его существовании.

– Как-нибудь расскажу, – ответил Сергей Мамиконову и спрятал кастет в карман скафандра.

Может, в самом деле пригодится? – подумал он.

Они последний раз, как белые люди, пообедали в столовой, попрощались и вышли. Кое-кто на них глядел, как на покойников. Капитан же Чернаков, похоже, был только рад, потому что последние дни у него со старшим сержантом Мамиконовым вообще не заладились отношения. Не переваривал его Большой на дух.

Перед тем, как они поднялись на поверхность, Гоша Мамиконов наклонился к Сергею и сказал ему на ухо:

– Я бы от такой бабы ни в жизнь не ушёл! Понесла тебя нелегкая! Оставайся, скажи, что у тебя понос.

Сергей глянул в глаза Гоше, в которых плавали искры смеха, и ответил:

– Пошёл ты знаешь, куда?!

– Куда? – хихикнул Мамиконов.

– В жопу с такими советами!

– И то правильно, – согласился Мамиконов и, защёлкнув шлем, лукаво подмигнул Сергею.

По земным меркам прошло уже часа четыре, а по марсианским – всего два, и солнце как висело над головой, так и продолжало висеть. Только стало теплее. Они взяли рабочую тележку и покатали на север.

* * *

В центре озеро Феникса выглядело, как почти земное – если смотреть с тележки. Если же встать, то различие становилось очевидным. Белая соленая корка, припорошенная рыжим песком, кое-где – рыжими дюнами. А вот заросли угольных «деревьев», похожие на чахлые ёлки без иголок, привели всех в лёгкий трепет. Даже полковник снизил скорость, чтобы все налюбовались на замёрзший углекислый газ, который выдавливался под давлением и вырастал, как земные деревья.

Они с трудом перевалили через каменную гряду с волнами песка поперек и покатали вниз. На мгновение мелькнули тени трёх вулканов, и пейзаж снова стал однообразным: полосы песка, полосы твёрдой, как асфальт, почвы, усыпанной камнями, очень похожими на стволы окаменевших деревьев. Сергей, который сидел позади всех, да ещё спиной к движению, стал задрёмывать. Он то видел лицо Милы, то Мамиконова, который ему внушал какие-то глупости с абсолютно честным видом. Мила же ничего не говорила, а смотрела грустными-грустными глазами. Тележку тряхнуло. Сергей очнулся и увидел следы. Они начинались ниоткуда – посредине пустыни и убегали в тень. Полковник правил вдоль них. Сергей чуть повернулся, насколько позволял скафандр и увидел цель их движения – огромную столовую гору. Она возвышалась в центре равнины, со стороны солнца, а когда тележка

перевалила песчаный нанос и въехала в тень, сразу сделалось прохладнее. РС заработал в интенсивном режиме. Следы были хорошо видны благодаря тому, что белый кварц, который обычно лежал под слоем красного песка, очутился на поверхности. Это и в самом деле были человеческие следы. Но Пашкины ли? Сергей сомневался. Через несколько минут он оценил предусмотрительность полковника – казалось бы, какой смысл ехать в тени? Но когда Сергей увидел «дверь», он понял, что бережёного бог бережёт, мало ли кто наблюдает сверху. Трудно было понять, была ли «дверь» рукотворной, или игрой природы. Но от такой «двери» бросало в дрожь, словно её строили циклопы.

«Дверь» находилась на освещенном торце столовой горы. В прямом смысле слова это была, конечно, не «дверь», а просто-таки гигантский проём прямоугольной формы. Чтобы попасть к «дверь», надо было вскарабкаться по стометровой осыпи. Пашка Марфин оставил ясные недвусмысленные следы – мол, топайте за мной, и всё будет хорошо.

– Каждый осё несёт свою шкуру на базар, – пробормотал Мамиконов, с изумлением разглядывая «дверь» в бинокль. – Товарищ полковник, и мы тоже туда пойдём?

– Всенепременно, – отозвался Бастрыкин, взясь с «планшетников», прикрывая его от любопытных взглядов корпусом и локтями.

– А не больно будет?

– Не больно.

Гоша Мамиконов не удержался и с любопытством заглянул ему через плечо, но капитан оттер его, произнеся что-то вроде того, что когда надо, тогда и пригласят.

Мамиконов расстроился и пересел к Сергею.

– А ты чего?

Мамиконов только покривился.

– Большой, да видел я такие карты, – поморщился Сергей. – Даже гулял по ним!

– Где, сержант? – живо среагировал полковник сугубо официальным тоном.

– Да из Чернобыльской Зоны приносили, – соврал Сергей.

Он совершенно забыл, что по локальной связи всем всё слышно. На самом деле, у них был настоящий иноземный «планшетник» из Тунгусской Зоны. Только с его помощью они и проходили Чернобыльскую Зону и Дыру за ней и даже проникали в Сердце за ней. Никто не мог угнаться. А какой хабар там был! Мечта любого сталкера. Копии «планшетника», конечно, научились делать очень быстро, но это было жалким подобием оригинала, поэтому полковник и не увидел ничего в темноте. Оригинальный «планшетник» не давал таких дефектов. С ним можно было гулять где угодно, в любое время суток, с любым увеличением. Экспедицию могли бы снабдить получше, подумал Сергей, экономят на нас, экономят. А если не смогли достать настоящий «планшетник», обратились бы ко мне. Чего мне, для родины жалко, что ли?

– Вернётесь на базу, напишете рапорт: где видели, когда и при каких обстоятельствах.

– Есть написать рапорт, – отозвался Сергей.

– Ну и отлично, – сказал полковник, сворачивая «планшетник» в шарик и убирая его в карман. – Так, Петров, поднимешься и пройдёшь вдоль стены. Бабура ты его страхуешь.

Сергей спрыгнул на землю и размял ноги. Не успел он пару раз присесть, как увидел, что его напарник несётся к горе, как полоумный. Пришлось Сергею бежать следом. Спортсмен, что с него возьмёшь, с усмешкой думал он, всё больше отставая от Петрова. Только идиоты бегают на Марсе, потому что то жарко, то холодно. Он нагнал его на подъёме, где требовались крепкие ноги и выносливость.

Чем страховать-то?! – зло думал Сергей, карабкаясь вслед за Петровым. – Этим, что ли? – и сунул руку в карман.

Кастет пребывал на месте. Этим не навоюешь. Даже не напугаешь никого. Полковник или дурак, или ничего не смыслит в военном деле. Но оказалось, что страховать надо совсем

не от мнимых врагов, а на подъеме у самой «двери». Она только издалека казалась доступной. На самом деле, путь внутрь преграждала отвесная скала метров десять-двенадцать. Однако, похоже, Пашка Марфин преодолел её с легкостью горного козла даже без всяких альпинистских приспособлений, которые стал навешивать Петров. Сергей терпеливо ждал, разглядывая однообразную равнину и тележку с полковником, капитаном и старшим сержантом Мамиконовым по кличке Большой, которые в свою очередь разглядывали их с Петровым. Если бы не полковник и капитан, Сергей перебросился бы с Большим парой ничего не значащих фраз, которые только укрепляют мужскую дружбу. Но полковник читил субординацию, а капитан ему подпевал.

Полковник Бастрыкин был самым молодым лейтенантом в чеченскую войну. Он командовал ротой разведчиков ГРУ, и карьера его сложилась успешно. Но в мирной жизни он почувствовал себя не удел, лишним в армии и, несмотря на тепленькое местечко в штабе управления Таманской бригады, попросился на Марс. С женой он развёлся ещё будучи майором, а новой не завёл. Понял, что женщины уже не главное. Карьера его интересовать перестала, но ему было очень интересно, что делается в других мирах. И такая страсть его охватила, что он плюнул на земное благополучие. Ведь подобный случай выпадает раз в жизни. Когда весть о том, что он завербовался в марсианскую экспедицию, разнеслась по бригаде, многие за его спиной вертели пальцем у виска – мол, с ума сошел Афанасий Петрович. Вместо обжитой пятикомнатной квартиры, дачи на Ахтубе и непыльной службы, которой завидовали недоброжелатели, а также любимой Верочки, с которой у полковника был ни к чему не обязывающий роман, он отправился на Марс, и неизвестно, вернётся назад или нет. Скорее всего, нет. Потому что и дураку ясно, что с Марса никто ещё не возвращался.

Полковник благоразумно молчал и не командовал под руку. Как всегда, беспрестанно дул ветер и горизонт был затянут пеленой. День плавно переходил в вечернее марево, солнце садилось за горизонт, и его лучи подсвечивали атмосферу, как огромное размытое пятно.

Рыжая равнина была волнистой, как берег моря, только волны были реже, а между ними лежали большие и маленькие ноздреватые камни и стволы окаменевших деревьев – тоже большие и маленькие. Волны упирались перпендикулярно в гору, как строгий геометрический рисунок. Тот, кто оставил белые следы, пересекая их, нарушал гармонию мёртвой планеты. Почему он убежал? – думал Сергей. Должно быть, он стремился к свободе? Он не раб обстоятельств, как все мы, привыкшие подчиняться. Потом он поймал себя на мысли, что думает о Пашке Марфине, как о возвышенной натуре, и выругался. Не был таким Пашка, никогда не был, и нечего на него равняться.

– Вы что там уснули? – наконец раздраженно спросил полковник. – Ночь на носу!

– Работайте побыстрее! – поддакнул капитан.

Сергей словно очнулся и вернулся в реальность. Петров стучал молотком так, что если кто-то и был внутри скалы за «дверью», то давно сообразил, что к нему ломятся непрошенные гости.

– Эй! – нагло позвал Петров. – Чего спишь, давай лестницу!

Петров ещё немного постучал, навешивая лестницу, а потом, скользнул, как ящерица, осыпав Сергея песком и мелкими камнями, и исчез в темноте пещеры.

Сергею не оставалось ничего другого, как последовать за ним. Он никогда не лазал по альпинистским лестницам, но это оказалось совсем несложным делом.

– Осторожнее там! – ограничился полковник напутствием. – Шею не сломайте. И доложите побыстрее.

Мамиконов, который по субординации не имел права голоса, тоже вставил реплику:

– Серёга, мы с тобой всей душой! – и хихикнул.

Как же, подумал Сергей, с нами, и тут же забыл обо всём. Предусмотрительный Петров вбил на входе несколько клиньев, и Сергей, ухватившись за них, нырнул в пещеру.

Он представлял её внутри такой же геометрически правильной по форме, как и «дверь», но глубоко ошибся. После широкой «прихожей», выложенной тесаными камнями, пещера стала узкой и труднопроходимой, подобием ушной раковины, с огромными наплывами на стенах, и чем дальше они с Петровым углублялись, тем больше были эти наплывы, которые ограничивали видимость двумя-тремя метрами, и только там, где между наплывами виднелся просвет, можно было разглядеть новые наплывы. Станный сероватый отблеск от стен позволял вполне сносно ориентироваться. Не надо было даже включать фонари. Почему у полковника не сработал «планшетник»? – удивился Сергей. Поверхность наплывов была покрыта то ли пылью, то ли налетом, похожим на тонкие волоски. К тому же над полом висела то ли паутина, то ли слоями плавал дым. Хорошо было видно, где прошёл Пашка. И ясно было, что он знал, куда идти, потому что Сергей и Петров наконец поняли, что очутились в настоящем лабиринте. Сообразительный Петров оставлял на стенах метки, сдирая перчаткой вековую корку вместе с тонкими волосами. Под коркой обнажалась белесая поверхность кварца и вездесущего гематита.

– Ну чего молчите?! – подал голос полковник Бастрыкин. – Доложите обстановку!

Петров забубнил:

– Проникли внутрь, движемся неизвестно куда.

Сергей едва не рассмеялся. Ему показалось, что Петров злит полковника.

– Как неизвестно?! – завокнулся полковник. – А ну, Бабуринов, подай голос!

– Так-х-х-х... – хмыкнул Сергей, – идём по следам человека, то есть Марфина. – Лабиринт сужается... Через пару минут определимся и доложим обстановку...

– Ладно, – отозвался полковник. – Но через пару минут, не больше. Осторожней там!

– Есть осторожней... – ответил Сергей и замолчал на полуслове.

– Что случилось?! – забеспокоился полковник. – Включите камеру. У вас же камеры есть!

То, что они с Петровым увидели, больше всего походило на стальную дверь. Она была замаскирована особенно большим наплавом горы. Но именно за этот наплыв и привели следы Пашки.

Петров оглянулся и поднял руку с растопыренными пальцами, что означало потенциальную опасность.

Сергей дернулся туда, где должен был висеть автомат, и мысленно выругался. Отправляться в такую экспедицию без оружия он считал верхом глупости. Если в долины Марионера нашли одну плесень, то это не значит, что её никто не ест. А вдруг это какие-нибудь гигантские лягушки? – подумал Сергей, не смея даже прислониться к стене.

– Нашли... – доложил он, включая камеру.

– Что нашли? Не вижу! – голос полковника доносился, как из древнего репродуктора. Должно быть, пещера экранировала.

– Похоже, вход в лифт или в шлюзовую камеру. Только какое-то всё не наше. Не пойму, в чем дело.

– Ничего не предпринимайте! – скомандовал полковник Бастрыкин. – Мы идём! И включите свет. Ничего не видно!

– Не стоит... – сообразил Петров. – Мало ли что...

– И то правда, – неожиданно согласился полковник Бастрыкин. – Мало ли что!.. Тоже верно. Молодец!

Фу, Сергей аж вспотел.

* * *

– Тебе не кажется, что нас сюда нарочно привели? – с подозрением спросил Петров, косясь на дверь.

Дверь была старой. Металл на ней выглядел так, словно побывал в топке. В середине он был прогнут, словно в дверь били ногами.

– Кажется... – согласился Сергей. – Только какое это имеет значение?

– Согласен, никакого, – философски изрек Пётров. – Просто не люблю подставы. – Он достал что-то похожее на железную дубинку и поиграл ею в воздухе. И так это у него ловко получилось, что Сергей понял – с Петровым не пропадёшь, не тот он человек, тоже втихаря вооружился, не доверяя суждениям полковника Бастрыкина о мамонтах.

Сергей не стал вытаскивать кастет, который против железной дубинки выглядел жалко. Если их кто-то ждёт за этой дверью, то кастет окажется самой последней вещью, которая нужна в такой делах.

Потом они услышали, как полковник, чертыхаясь, преодолевает осыпь, вздохи и ахи Мамиконова, которого заставили тащить амуницию, и почтительные советы капитана Ермолаева, как правильно ставить ногу.

Прошло не меньше пятнадцати минут, прежде чем они ввалились в пещеру. Полковник дышал, как загнанный зверь. Видать, он засиделся в штабных кабинетах и забыл, что такое маршброски с полной выкладкой. Худеть надо, думал он, ох, худеть!

– Ну, где ваша дверь?! – самоуверенно произнёс он и включил фонарь.

Сергей напрягся в ожидании чего-то страшного, но ничего не произошло. Марс оказался предсказуемым.

* * *

Больше всего Сергей удивило настоящее дерево, хотя оно было таким старым и ржавым, что его легко можно было спутать с камнем или железом. Но это было дерево, которое стояло частоколом, подпирая плиту-потолок. Деревом же были обложены стены справа и слева от двери. Такое дерево Сергей видел в Зоне и в древних крепостях Крыма. Только это дерево было ещё древнее.

Всё это промелькнуло перед ним, пока они опускались. Двери лифта распахнулись, и они ступили в туннель. Полковник Бастрыкин подталкивал впереди себя вольнонаемного Петрова. Наверное, он у него смертник, с сарказмом подумал Сергей.

– Чего столпились! – вдруг скомандовал полковник Бастрыкин. – Рассредоточиться!

Капитан Ермолаев сразу куда-то пропал. Мамиконов, чертыхаясь, прятался за тремя тоненькими стволами.

– Говорила мне мама, не ходи, Гоша, на Марс! Я, дурак, не послушался!

Сергей нашёл себе придорожный камень. Вряд ли он был хорошей защитой, но, по крайней мере, уж от стрел спасал точно. Две или три, выбив искры, расщепились с ужасным треском, третья – вонзилась в дерево чуть повыше пятой точки Сергея, и оперение дрожало, как на лист на ветру.

Полковник выстрелил, не целясь куда-то впереди:

– Отступаем к лифту!

Сергей стал отползать по всем правилам солдатского искусства. Однако к ним с флангов вдоль стен и снизу уже бежали странные серокожие люди с копьями в руках.

Мамиконов орал благим матом:

– Ах, суки! Ой, гады! – и боролся, боролся.

Полковник стрелял: «Бах! Бах!» Почему капитан молчит? Сергей оглянулся: у капитана Ермолаев была дырка в шлеме, из неё хлестала кровь. Капитан успел только выхватить свой АПС. Рядом валялось копье со здоровенным каменным наконечником, обмотанным какими-то перьями. Сергей дернулся было к АПС, но на него выскочил ушастый серокожий человек с копьем в руках, и Сергею не оставалось ничего другого, как треснуть его со всей силы в рыло. Человек то ли хрюкнул, то ли взвизгнул и отвалил в сторону. Вместо него на Сергея навалились двое. Причём один из них со всего маху ударил Сергея по голове дубинкой, но стекло шлема выдержало. Зато уж Сергей приложился кастетом ото всей души – так, как он дрался в армии, когда был черпаком. «Бах!» Должно быть, у того перехватило дыхание, и он исчез из поля зрения быстрее собственного визга. Не было времени разбираться. Зато второй оказался настоящим бойцом – ловким и сильным. И хотя Сергей явно был сильнее, ему никак не удавалось свалить противника. Сергей ударом кастета в щепки разбил его дубинку, а попасть посильнее никак не мог, потому что противник вертелся ужом и всякий раз отскакивал в сторону или уклонялся, как заправский боксёр.

«Бах! Бах!» – стрелял полковник.

Сколько же у него патронов? – мелькнуло у Сергея в голове, и он попал ушастому как раз между глаз – да так удачно, что тот схватился руками за голову и отлетел ничком. После этого Сергей прыгнул ласточкой, сграбастал капитанский пистолет и из положения лежа стал всаживать пулю за пулей во врагов, которые лезли, как тараканы со всех сторон. На Мамиконове они висели гроздьями. Сергей боялся попасть в него. Он развернулся и так поддел ногой одного, что тот расцепил руки и отлетел к стене, а Мамиконов прогудел откуда-то из-под тел:

– Спасибо, Сережа, да я сам с ними справлюсь!

Сергей подхватил капитана и рывком затащил его в лифт. Потом выстрелил в особенно ретивого нападавшего и побежал искать Петрова.

– Всё! – закричал полковник. – У меня патроны кончились.

– Петров пропал!

– Как пропал?! Мать его за ногу! – выругался Бастрыкин. – Иди ищи! – закричал он, подволакивая ногу. – А я к Мамиконову!

Сергей дернулся туда-сюда. Возле стены, с наружной стороны частокола валялась железная дубинка Петрова. Однако враги словно растворились в темноте. Несомненно, они сидели за горами камней и, высываясь, стреляли в Сергея. Пару стрел черкнули по скафандру, не причинив особого вреда. Хорошо хоть скафандр был из мягкой брони – «булата», а то бы дело вообще было бы дрянью.

С АПС в одной руке и железной дубинкой в другой Сергей взбежал на один из таких холмов. Серокожие попытались оборониться деревянными копьями и дубинами, но, увидев в руках Сергея пистолет, стали разбегаться кто куда. За горами камней местность выровнялась, и Сергей замер, пораженный. А мы-то самонадеянно решили, что делаем историю на этой мёртвой планете, с удивлением подумал он.

Перед ним в низине раскинулся ржавый город. Огромный, древний, он выплывал из сумерек, как необъятный кусок железного айсберга, такой древний, что большинство домов походило на рыжие утёсы. Однако тот из них, который примыкал к холму, оказался вполне крепким, и когда Сергей прыгнул в разбитое окно без рамы и стекол, то, понял, что дом собран из железобетонных плит и что он большой, необъятный, а главное – высокий, потому что стоило Сергею миновать анфиладу пустых комнат и выглянуть в окно с другой его стороны, как у него закружилась голова – потому что далеко внизу, словно ущелье в тумане, лежала улица, засыпанная обломками, а между этими обломками вились тропинки. Не фигу себе, подумал он.

Всё это он разглядел в доли секунды и отпрянул за стену, потому что услышал шаги. Они особенно гулко разносились в пустых помещениях. Человек крался, но каждый звук песчинок выдавал его движения.

Сергей оказался в ловушке: выход из комнаты был один, а спрятаться было негде, разве что за горой слежавшегося мусора. Человек двигался профессионально. Два-три шага, и слушал. Два-три шага, и слушал. Он даже правильно засек место, где находился Сергей, потому что его шаги неуклонно приближались к комнате.

Сергей встал справа от двери и прицелился так, чтобы поразить человека, если он надует впрыгнуть внутрь. Однако стрелять не пришлось. В наушниках раздался шепот:

– Серёга... Серёга... это я!..

– Слава богу... – сказал Сергей, опуская пистолет.

Он не заметил, как по его лицу катится пот. Ведь я же чувствовал, что это Мамиконов, потому что только Мамиконов может двигаться, как слон в посудной лавке, радостно подумал Сергей.

В проёме двери появилась напряженная физиономия Мамиконова с выпученными глазами. В руках он держал копьё, которое по сравнению с его габаритами казалось спичкой.

– Фу-у-у... ну ты даёшь... – пожаловался он.

– А ты?! – безмерно удивился Сергей.

На Мамиконове не было шлема. Его осколки торчали над ободом скафандра. К тому же у Большого под глазом наливался синяк и кровоточила нижняя губа.

– Разбили, черти! – пожаловался Мамиконов.

Было не понятно, о чём он больше сокрушается, то ли о шлеме, то ли о лице.

– И что, можно дышать? – удивился Сергей.

– Вполне прилично, – засмеялся довольный Мамиконов, но тут же спохватился и прикрыл ладонью рот.

– Похоже, здесь никого нет, – успокоил его Сергей.

– А где Петров?

– А чёрт его знает, где этот Петров. Утащили. Тоже мне каратист! Ты лучше посмотри туда.

– Ого!!! – отозвался Мамиконов, выглянув в окно. – Аж, голова закружилась! Да мы в небоскрёбе?! Красота!!! Вот она, древняя цивилизация. – Кажись, он даже понюхал воздух, как старый пес. – Да опусти ты стекло! Не парься!

Сергей опустил стекло и осторожно сделал вдох. Конечно, это был не тот земной воздух, к которому он привык, а с привкусом железа, что ли, словно он находился в трюме старого корабля, и ещё чего-то непонятного, но дышалось вполне сносно. Да и давление было почти в норме. Если не очень быстро двигаться, то жить можно, подумал Сергей. В данный момент ему пригодились знания и навыки водолаза и всё то, что им читали о методах выживания на Марсе.

– Что с полковником? – спросил Сергей.

– Возится с капитаном. Ему башку проломили. Но уже мычит.

– Вот чёрт! – выругался Сергей, поняв, что они здесь застряли надолго.

– Одно к одному. Связи нет... Из лекарств, анальгин, – пожаловался Мамиконов.

– Ладно, – сказал Сергей. – Всё, как всегда. Пойдём искать Петрова? А где твой штык?

– Полковнику оставил.

– На хера он ему?

– Вот и я о том же, – согласился Мамиконов.

Они, тихо переругиваясь по внутренней связи, стали искать выход из здания. Их удивило отсутствие противника. Вначале они ещё остерегались на каждом этаже засады, при-

крывая тылы друг другу, осматривали ближайшие помещения, но потом пошли быстрее, потому что здание оказалось пустым.

– Как-то они быстро сдались, – ворчал Мамиконов. – Я чувствую злой умысел – заманивают нас, заманивают!

– Ничего ты, Большой, не понимаешь. Это же дикари! А у них своя логика, – возразил Сергей, отдавая ему железную дубинку Петрова.

– Я уже думал, мне капец придёт, – жаловался Мамиконов. – Они как кинутся всей толпой... Как кинутся...

– Похоже, они нас просто отвлекали от Петрова. А вот и его запчасти.

На лестнице в луже крови лежали осколки шлема и альпинистский молоток. Мамиконов засунул его в петлю на поясе.

– Неужели убили?! – воскликнул он, и они побежали вниз.

Чтобы спуститься с небоскрёба, им понадобилось минут двадцать. Капли крови укачивал путь.

– Ну, бляди, если поймаю, порву! – ругался Мамиконов, воинственно размахивая дубинкой.

Сергей понимал, что теперь им никого не победить, что врагов может оказаться гораздо больше, чем в первый раз.

Лестница казалась бесконечной. На каждом этаже открывались пустые холлы и комнаты с проваленными потолками и покосившимися стенами, на которых были начертаны непонятные надписи, похожие на местные ругательства. Кое-где были заметны следы огня и кала. Ну и пахло соответствующе. Всё, как на Земле, думал Сергей. Всё, как дома. Стоило для этого тащиться за тридевять земель?!

Наконец они выскочили в вестибюль и увидели: поперек его лежал скелет гиганта. Его череп размером с колесо «КрАЗа» утонул в мусоре, руки же походили на ковши снегоуборочной машины. Кости белели, как снег в ложбине, правда, там, где они соприкасались с полом, на них осела ржавчина.

– Вот с ним мы точно не справимся! – почесал затылок Мамиконов, обходя скелет стороной. – Дюже большой.

– А ты обратил внимание, как он сюда попал?

– Не-е-т...

– Вот и о том же, – согласился с ним Сергей.

– Должно быть, на карачках?

– Похоже, заполз и держал оборону. Но всё равно его завалили, как мамонта. Вот и нам надо быть осторожными.

И в самом деле, вестибюль хранил следы от какого-то оружия. Стены были оплавлены, словно лазером.

– Вот и разберись с этими аборигенами. То у них палки, то плазменные ружья. Ничего не пойму, – ворчал Мамиконов. Что ты думаешь, Серёга?

Глава 3

Ортогенез Марса

– А чего думать-то? Пусть за нас командир думает, – ответил Сергей. – Наше дело маленькое: войти, найти Петрова и свалить на базу.

Он вспомнил о Миле, и его сердце наполнилось ревностью. Неужели полковник ничего не знает? Вряд ли. В Городке-Один секретов нет. Раз знает бригада, значит, знает и он. Убью, гада! – подумал Сергей, при первой возможности, и крепче сжал рукоятку АПС.

– Ну да, – как-то легкомысленно согласился Мамиконов и поморщился, – с таким скафандром придётся всю жизнь сидеть под землёй... – И тут же отвлекся: – слушай... как в Нью-Йорке... ей богу...

– А ты что, был в Нью-Йорке?

Сергей дальше Крыма никуда не ездил. Не успел. Загребел на Марс. Он посмотрел направо, ему показалось, что в развалинах прячется какая-то тень – огромная, необъятная, очертания её трудно было определить.

– Да приходилось по делам фирмы. Я, понимаешь ли, брокером по фрахтованию судов служил. Да погорел капитально. Пришлось бежать в армию, да ещё в первый марсианский стройбат. За мной ФБР охотилось, и охотится, наверное, до сих пор. Если бы я не унёс ноги с Земли, то теперь парился бы на американских нарах. Не знаю, что лучше? – Мамиконов запыхтел, как тюлень.

– Чего, так серьёзно? – спросил Сергей, следя, не преследует ли их громадная тень.

– Ну-у-у... – подтвердил Большой, перешагивая через яму и ничего не замечая. – Ещё как. Не скажу, что я ангел, что уж совсем не виновен, но повесить на меня всех собак, всё, что можно и не можно – это, поверь, чересчур! Даром что молодой. Так что мне на Марсе лучше во всех отношениях. Ну... чего видишь?

Снизу город выглядел, словно они находились в подвале. Нет, не так, думал Сергей, словно на глубине метров тридцати в Чёрном море – сумерки, а от дна свет исходит. Так и в городе, непонятный желтоватый туман, похожий на отблески искусственного солнца, рассеивался, отражаясь от земли, делал видимым то, что не должно быть видимым, искажал очертания улиц и переулков, которые разбегались во все стороны, как паутина. Напротив, через улицу стояло стеклянное здание, похожее на стадион или Колизей.

– Ничего не вижу, – ответил Сергей, помедлив. Он так и не понял, крадёт ли кто-то за ними или нет? Но внезапно почувствовал город, понял его суть: он лежал и спал, ожидая пробуждения. Вот это здорово, думал Сергей, словно я должен прийти и разбудить его. Тогда всё переменится в лучшую сторону, даже в моей судьбе. Но для этого надо было что-то сделать. Казалось, ещё шаг, и Сергей увидит, поймёт и разберётся в горестях и надеждах, всех тех, кто жил, живёт здесь и пришёл сюда! Но Мамиконов всё испортил:

– Ну что ты видишь, что?

– Кучи мусора, и воздух какой-то... Ты перед окнами-то не мелькай, не мелькай. А то ты очень большой. В такого трудно промахнуться.

– Да-а-а... – вздохнул Мамиконов, прибавляя шаг. – Здесь ты прав, в этом моя беда – слишком заметен в прямом и переносном смысле. Не буду мелькать. Воздух, действительно, дрянный, как в шахтерском крае. Может, привыкнем? – Он оглянулся, но никого не заметил. – Как там наш полковник?

В этот момент Бастрыкин напомнил о себе:

– Где вы, Мамиконов, доложите!

Голос его был сердитым, в нём звучали грозные нотки большого командира.

– Да забрели с Бабурой в город, идём по следам Петрова, – ответил Мамиконов, вертя головой, что было верхом тревоги.

Полковник переваривая услышанное. Наверное, его возмутило слово «забрели». Должно быть, он предпочитал, чтобы мы маршировали, с неприязнью подумал Сергей, и держали равнение на три его звездочки.

– Что за город? – удивился полковник безмерно.

– Похож на Нью-Йорк, но древний. Одни руины. Солнце какое-то тусклое. Неба не видно.

– Какое же в подземелье небо?! – то ли удивился, то ли согласился полковник. – Вот что, вы мне зубы не заговаривайте! – опомнился он, – срочно найдите Петрова! Это приказ!

– Товарищ полковник, когда мы вас обманывали? – обиделся Мамиконов.

– Постоянно, – среагировал Бастрыкин. – Не знаю, что за город вы там с Бабурой отыскали! Вы пьяные или трезвые?!

– Обижаете, товарищ полковник, – разговаривал с ним, как с маленьким, Мамиконов. – Мы родине никогда не изменяли!

– А ещё издеваетесь! – резюмировал Бастрыкин. – В общем, так, не отыщите Петрова, пойдёте под трибунал.

– Есть, под трибунал... – покорно согласился Мамиконов и выключил «длинную» связь. – Ну его на хер, этого дурака!

Они разбрелись, кружа по перекрестку там, где одна из улочек была наклонной, а цоколи зданий с огромными продолговатыми окнами – в общем, в самом неудачном месте, потому что их было видно со всех сторон, а их скафандры, бежевого цвета, приспособленные для пустыни, не располагали к маскировке в городе. Следы крови истончились в паутине рыжих тропинок. Пришлось искать между куч мусора, которые поднимались выше уровня второго этажа. Дома были такие старые, что в них не осталось ни одного стекла, а стены казались естественной частью ландшафта.

– Нашёл! – радостно закричал Мамиконов.

Следы уводили на проспект, который походил на ущелье, в глубине которого виднелась площадь с приземистым зданием и монументами вокруг. Через бинокль скафандра последние оказались странными памятниками людям с копытами верхом на странных животных, напоминающих богомолов, с маленькими треугольными головами и длинными мускулистыми конечностями.

– Не нравится мне всё это, – доверительно пожаловался Мамиконов, перешагивая своими большими ногами через вывернутые решётки сточной системы. – Ох, как не нравится. Где этого Петрова искать? – он понюхал железистый воздух. – Чем-то знакомым пахнет. Как ты думаешь, сколько этому городу лет? А?

Сергей потрогал стену, вдоль которой они шагали. Стены выглядели не хуже, чем в древней столице Перу – Куско, только ржавыми и кое-где шершавыми от блестящих кристаллов серебристого гематита. Белесые тропинка под ногами оказались утоптаннами многочисленными ногами. На кучах мусора росли чахлые грибы на кривых ножках и какая-то светлая поросль, похожая на ушастый мох, но побольше, как листья салата. Сергей протянул руку, но лист вдруг сморщился, почернел и осыпался прахом.

– Чёрт его знает, – признался он, отдёргивая руку, – я в этом не разбираюсь. Может сто, а может сорок тысяч лет. Когда там у нас кроманьонцы появились?

– Ты думаешь, что они переселились на Землю?

– Я ничего не думаю, я рассуждаю об ортогенезе.

– О чём? – удивился Мамиконов.

– Об ортогенезе. Ну, знаешь, когда в живой природе одно вытекает из другого, в противовес естественному отбору. Ерунда всякая...

– А-а-а... – сказал Мамиконов. – Ну да, да, конечно, я слышал... Я, между прочим, три курса универа закончил.

– Бывает... – позавидовал Сергей.

В этот момент над городом пронёсся шорох. Сказать, что всё вокруг насторожилось, и мёртвый город – тоже, значило ничего не сказать. Сергей кожей почувствовал опасность. Шорох был такой непомерно огромной силы, что мог происходить только из одного источника. И этот источник был в городе, только дальше, в глубине.

– Что это?! – нервно завертел головой Мамиконов.

Со слухом у него было плоховато, зато его большое, сильное тело хорошо реагировало на низкие частоты.

– «Зубанка»... – догадался Сергей.

– Какая ещё, к чёрту, «зубанка»?

– Так порой кричит Марс... – произнёс Сергей и почувствовал, что теряет связь с реальностью.

Он уже летел, парил. Через позвоночник в ноги пробежала горячая волна и ушла в землю, забирая силы, она же отталкивала прочь, раздвигала сознание, лишала воли. Удар пришёлся по внутренностям. Хотелось упасть и свернуться в комок, чтобы защитить живот.

– Я её не слышу... – загробным голосом сказал Мамиконов, – я её чувю...

Больше Сергей его не видел. Он парил одновременно везде, в том числе и над крышами небоскреба, он увидел то, что происходило совсем в другом месте: за длинным-длинным столом сидели Петров и Марфин и пили обычную брагу, которую учуял Мамиконов. А ещё Сергей увидел то, чего не мог понять, то, чего не видел ни разу в жизни: монстров в виде змей и каких-то странных людей, изрыгающих пламя.

Был ли это телепатический сеанс или что-то другое – он не понял. Ему словно показали картинки – без объяснений и намеков. А откуда это всё пришло – из прошлого или будущего, он не понял. Должно быть, их спасли гравитационные скафандры, принявшие на себя крик «зубанки».

В следующее мгновение шуршание стихло и Сергей снова стоял на проспекте между домами, а Мамиконов, крутясь на одной ноге, танцевал с невидимой партнершей, обняв её за талию. Он даже наклонился и что-то шептал ей на ушко. Большой, добродушный богатырь.

– Большой!.. – позвал Сергей, передергивая затвор и выставляя пистолет перед собой. – Большой!..

К ним приближались какие-то серокожие существа. В непомерно длинных руках они держали копыта и луки, но, судя по всему, не собирались нападать. Мало того, от них отделился человек без оружия и, не дойдя метров десяти, стал подавать, как обезьяна, знаки, чтобы Сергей и Мамиконов следовали за ним. При этом он скалился, морщил лоб, то ли глупо хихикая, то ли постанывая от боли.

Сергей хорошо разглядел его. Был он ниже среднего роста, шуплый, как подросток, но по земным меркам – старым, потому что жуткие морщины лежали на его лице. Большой крючковатый нос свисал почти до такого же огромного, как у лягушки, рта, остроконечные уши и голый череп с жидкой порослью белесых волос – вот и весь образ марсианина. Но самое жутковатое – дикий перекус. Настолько дикий, что резцы и клыки нижней челюсти торчали из-под верхней губы. Одет человек был в какие-то лохмотья, в которых, однако, таилось какое-то изящество. На голове красная треуголка! Так изнашивают богатые и дорогие вещи, сообразил Сергей, но где я его видел? Где?! Господи! Так это ж гоблин! Точно, гоблин! Обычный земной гоблин из сказок. Вот, бляха! Гоблин недоношенный!

– Слышь... Большой... – позвал Сергей, держа серокожего гоблина, которого он окрестил Зовущим, на мушке. – Слышишь?! – и обернулся наконец на Мамиконова.

Гоша пребывал в раю. На его большом лице бродила идиотская улыбка. Морщины на лбу разладились, напряженная складка между бровями исчезла, и Мамиконов словно помолодел лет на десять. К тому же изо рта потекла слюнка.

– Кончай дуру валять! – Сергей дёрнул его за рукав.

Мамиконов не прекратил своего странного занятия. Сергей, у которого не было времени для церемоний, дал ему поджопник. Гоша открыл глаза и схватился за дубину так, что едва не согнул её:

– Прости друг... прости... Что он от нас хочет?

– Зовёт куда-то.

– Ясный перец! Вали его, гада! – Мамиконов сделал угрожающее движение по направлению к гоблину.

– Подожди, вдруг он к нашим приведёт?

– Как же приведёт! – усомнился Мамиконов, замахиваясь ещё раз.

– К вашим, к вашим... – произнёс Зовущий и растянул рот до ушей.

– Блядь! – восхищённо выругался Мамиконов.

Зовущий засмеялся. Мамиконов выпрямился и тоже рассмеялся:

– Так это ж гоблины, мать вашу!

– Гоблины, гоблины, мать вашу, мать вашу, – радостно закивал Зовущий, щёлкая свою страшную челюстью, как капканом.

– Слышь, и мать нашу знает! Во-о-т суки-и!..

– Суки, суки, – повторил гoblin и добавил. – Тудыть его налево! – Чем вообще привёл Мамиконова в дикий восторг.

– Ах, гад! Ах, падла! По нашему базарит!

– Я больше, чем уверен, что их научил Пашка, – заметил Сергей. – Больше некому. К тому же он пьян, как сапожник.

Гoblin действительно пошатывался, как клен на ветру меж трёх дорог.

– Ну тогда идём! – продолжал орать Мамиконов. – Чего мы стоим?! А-а-а... извини!!! Ты в следующий раз меня посильней тыкай, можешь даже в зубы врезать! Ей богу, не обижусь и сдачи не дам!

– Как же... – усомнился Сергей, поглядывая на его квадратные плечи и бицепсы, которые заметны были даже под скафандром, – ладно, там видно будет. Пошли. Тем более там, наверняка выпивка есть.

– Откуда ты знаешь?

– Догадываюсь. Марфин так просто в бега не подался бы.

– Что правда, то правда, – прогудел Мамиконов, забрасывая железную дубинку на плечо и обращаясь к Зовущему: – Веди, Миклухо-Маклай! Сусанин недоделанный.

Зовущим обрадовался, словно его похвалили, и повел их в то самое приземистое здание на проспекте.

* * *

Пашка Марфин действительно сидел за длинным столом, пил брагу и курил что-то похожее на вонючую «гидру». Напротив в дымину пьяный спал Петров, уронив голову на руки. Макушка у него была перевязана какой-то грязной тряпкой, из-под которой была видна запёкшаяся корка крови. Шлем, конечно, отсутствовал. Впрочем, Петров был не одинок, в комнате вповалку лежало не меньше сотни гоблинов. Оконные проёмы в комнате были занавешены каким-то ветхим тряпьем. На столе чадила лампа. Вонь стояла неимоверная:

смесь алкоголя, грязных тел и какой-то дрожжевой кислятины. Впрочем, проходчикам было не привыкать. Хотя врачаха Светлана Андреевна и следила за гигиеной, и раз в неделю был скудный душ, в боксах пахло не лучше. Как на подводных лодках, шутил Жора Генацаревский. Всё дело в вентиляции считал он и был прав. Вентиляция на Марсе была большой роскошью. А насчёт подлодок он знал, о чём говорит, потому что до первого марсианского стройбата служил на атомоходе «Новомосковск» и даже два раза ходит в автономку, чтобы вовремя грохнуть США, если они рыпнутся. Не довелось – о чём неоднократно и искренне жалел. «Сейчас бы мы были самыми сильными на всей планете», – часто говорил он и в забое, и в боксах. Всё жалели пиндосов. Надо было давно их известить, соглашались с ним остальные члены бригады.

– Налей, – попросил Сергей, усаживаясь рядом с Петровым.

Пашка как ни в чём не бывало нагнулся, зачерпнул и поставил перед Сергеем полный ковшик браги:

– Пей, друган!

Ковшик был столетний – ржавым, с отбитой эмалью, по его бокам стекали пахучие капли, и от него шёл умопомрачительный запах дрожжей.

– А мне?! – обиженно прогудел Мамиконов, усаживаясь на лавку, которая под ним жалобно заскрипела.

– И тебе, Большой, и тебе!.. Как добрались?

Морда у Пашки была вымазана какой-то странной жёлтой краской.

– Вашими молитвами... – ответил Мамиконов, глотая слюни и следя за каждым движением Марфина.

– Значит, в нашем полку прибыло. Будешь? – и Пашка протянул бычок Мамиконову.

– Не-е-е... – отмахнулся Мамиконов. – Мне мою черепушку жаль. Такую дрянь одни мозгляки курят. Я только по алкоголю ударяю. Безопасно, если знать норму.

– Ну как хочешь, – не обиделся Марфин, затягиваясь и выдыхая синий дым. – А я здесь местных грибов надыбал. Хорошо пробирает. Вот где базу надо делать! Вот! – Он развёл руками. – А не слушать всяких начальников и командиров! И рабочая сила есть, – Пашка кивнул на пьяных гоблинов – и вообще...

Сергей понял, что под словом «вообще» Пашка понимает чисто личные интересы: выпивку, грибы и толпу рабов с местными женщинами. Женщин, кстати, он где-то прятал. Женщин видно не было.

– И то правда! – выдохнул Мамиконов, возвращая пустой ковшик. – Налей ещё!

Сергей тоже махом выпил брагу, и она бальзамом легла на желудок. Он потянулся к закуске. На местных женщин он бы тоже взглянул, хотя на базе его ждала Мила. Женщины – это святое, думал он как-то несерьёзно. Женщины скрашивают одиночество. С женщинами весело. Ему почему-то казалось, что все женщины должны быть прекрасны, как Мила Дромина.

– А помидоров нет? Ой, как я хочу бочковых ядрёных помидоров. Ой, как хочу!

Только теперь Сергей обратил внимание, что Марфин не в скафандре, а напялил поверх рабочего комбинезона какие-то тряпки. Издали его с трудом, но всё же можно было принять за гоблина. Рост только подвёл. Рядом с ними он казался гигантом.

– Какие, братишка, помидоры. На этой чёртовой планете, даже квашеной капусты нет. Я вот наквасил их зелени. – Пашка показал на миску, полную каких-то беловатых листьев, что-то среднее между подорожником и мхом.

Сергей вспомнил, что видел похожее растение на проспекте, и спросил на всякий случай с опаской:

– А ты сюда этой дряни не подсыпал?

– Не-е-ет, что ты, дорогой! Я не заяц, я курец. Мозгляк, как сказал Большой. Только на Земле таких, как я называют, отдобанными. А-ха-ха-ха!!! – засмеялся он совсем, как Есенья Цугаев, глядя на удручённое лицо Сергея.

По большому счету, Сергею было наплевать, что там курит или пьёт Пашка. Лишь бы мне не подсовывал, подумал он и подцепил лепесток. Я свой организм ещё люблю, подумал он. К его удивлению, мох оказался не таким уж отвратительным, явно политый чем-то кислым, уксусом, что ли? Впрочем, вполне подходящим для закуски. Он выцедил ещё ковшик и спросил:

– А пожрать ничего нет? Я голодный, как собака.

– Эй!.. – позвал Пашка Зовущего.

Морщинистый, длиннорукий гоблин вырос, словно из-под земли. Челюсть с диким прикусом делала его похожим на бульдога, от которого не знаешь, ждать пакости или нет.

– Принеси пожрать! – велел Пашка. – Со жратвой здесь напряжёнка, – покачал головой он, выдыхая сизый дым маленькими порциями. – Ты видел, какие они чахлые?

– Ну?.. – Сергей обзрел пьяных гоблинов.

Гоблины как гоблины. На Земле таких в кино детям показывали. Из множества глоток вырывался дружный храп и другие разные звуки, которые обычно культурный человек не издаёт.

– А пить так совсем не умеют. Пару глотков, и с копыт.

– Ясный перец! – согласился Мамиконов. – Куда им против нас.

– Ты чего морду вымазал?

– Так надо. Местный обычай, – пояснил Пашка. – И жратвы приличной у них тоже нет. Жрут вот этот мох и палочки сосут. Мох ещё куда ни шло, но палочки их надо жарить, а оттуда вытекает сладкий сок. В качестве серьезной закуски не годится. Только для браги. Ещё трескают что-то вроде брюквы и слизи. Вот гадость. Я один раз попробовал – блевал целый день. А как вы вообще здесь очутились? – наконец удивился он, и на его круглой физиономии появился знак вопроса.

– Как это? – хмыкнул Мамиконов, смакуя брагу мелкими глотками. – По твоим следам и пришли!

– По чьим? – На Пашкиной физиономии знак вопроса сменился на крайне брезгливое выражение, – Пашка не терпел конкуренции ни в чём, даже в проступках. – Абалбеть можно!

– По твоим, братишка. По твоим родным следам. Ходить надо аккуратнее, – принялся поучать его Мамиконов.

– О-па! – воскликнул Пашка и выразительно поскреб щетину на шее, задрав подбородок в потолок. Его имидж был восстановлен. – Мужики, а ведь я шёл другой дорогой!

Мамиконов поперхнулся и с размаху хлопнул ковшиком по столу, расплескав пахучую жидкость:

– Иди ты знаешь куда со своими шуточками! – возмущённо сказал он, вытирая подбородок. – Я уже боюсь! Кто же тогда бродит по пустыне?! Слышал? – обратился он за поддержкой к Сергею.

В глазах Мамиконова появился стальной блеск. А кто любит, когда тебя за нос водят? – подумал Сергей, наблюдая за их перепалкой. Он и сам с некоторых пор не доверял Марфину, который знал свою выгоду и никогда её не упускал. Дождался, когда будет готова бражка, и слинял. Вот хитрец! – с восхищением подумал Сергей. Вот пройдоха!

– Да ей богу, мужики! Что я врать буду?! – Пашка сделал честное-честное лицо. – Могу даже перекреститься!

– Не путай божий дар с яичницей! – веско сказал Мамиконов и зачем-то посмотрел в угол, словно там действительно висела икона и стояла свечка. Но угол был тёмный, как Пашкина душа.

Пашка стал очень-очень серьезным, в самом деле перекрестился и принялся рассказывать, как работал в ту смену:

– Чернаков так задолбал, что я спрятался от него в тупичок, который после второй шлюзовой камеры имеется. Помните. Тёмный такой, мрачный.

– Ну да... – злорадно кивнул Мамиконов, – у нас там отхожее место.

– Во! Точно! – обрадовался Пашка, разулыбался, словно вспомнил приятное. – Сел на камень, а он возьми и откатись, а под камнем – дыра. Ну я в эту дыру и залез подальше от Чернакова.

Врёт! – решил Сергей, а вслух произнёс озадаченно:

– Понятно... Кто же тогда по планете-то шастает?

– Вот это вопрос, – согласился Мамиконов. – Воистину, Марс полон чудес!

Вот хитрец, ещё раз восхитился Сергей Марфиным. Ловко перевел стрелки на Марс. Гадский хитрюга!

Зовущий притащил миску, полную фиолетовой слизи, похожей на черничный кисель. Как у всякого солдата, у Сергея имелась своя ложка. Он понюхал кисель, который пах отвратительно, и осторожно зачерпнул самую малость, приготовившись сразу выплюнуть. Но слизь оказалась съедобной, по вкусу похожей на пресную овсянку, приправленную клопами, но самое главное – сытной. В животе сразу поселился тёплый комок. Хорошо, подумал Сергей и принялся есть, а потом ему, как всегда от сытной еды, захотелось спать. Но он заставил себя слушать.

Мамиконов залез пальцем в миску к Сергею, попробовал слизь и резюмировал:

– Говно с приправой карамели!

– Я теперь здесь у них вроде вождя, – принялся хвататься Пашка. – Они ведь раньше не знали, что такое бражка. Представляете, вообще, не пили самогона! Ужас! Как так можно жить?! – Искренне удивился он. – Они поэтому такие и маленькие. Я хочу ещё самогона выгнать и их научить.

– Зря... – добродушно прогудел Мамиконов. – Секретов не открывай, а то в авторитете упадёшь. Ей богу, банку сам!

– Конечно, сам... – заверил его довольный Пашка. – У меня и планы имеются по расширению бизнеса...

Сергей стал задремывать, слушая болтовню Марфина и Большого: получалось, что они влипли, несмотря на все Пашкины планы. Их голоса, его мысли и тревоги – всё смешалось в фантаσμαгорические видения. Из пятерых у троих разбиты шлемы. Кому-то надо подняться на поверхность и подать сигнал бедствия. В любом случае, надо доложить полковнику, что они нашли Петрова и Марфина. Вернёмся на базу и организуем хорошо подготовленную экспедицию. Изучим здесь всё досконально окрест. Может, действительно, стоит расположиться в городе Сен-Пал. Воздух есть, рабочая сила есть. А главное, не надо копать в земле и рыть туннели. Строить ничего не требуется. В общем, не всё так плохо, надумал во сне Сергей. Американцы будут завидовать. Рано или поздно они тоже явятся на Марс. А мы уже обустроились, заняли самый шикарный отель. Всё отлично! Его только смущала «зубанка», издающая низкочастотные колебания. Но мы с этим как-нибудь справимся, найдём её и грохнем, легкомысленно решил он и проснулся. Полчаса показались ему чуть ли не зимней спячкой. Голова была ясной и свежей, а тело – сильным и бодрым.

– Вызывай нашего полковника, – велел он Мамиконову.

– Я, конечно, не против... – прогудел Мамиконов, – но давай повременим?... Посидим... погутарим... С братишкой вот не виделись...

Пашка Марфин рассмеялся. В лохмотьях он почти не отличался от гоблинов, разве что белым цветом кожи, ростом и ушами. Сергея они до сих пор забавляли, когда он глядел на Зовущего.

– Я на базу не вернусь! – заявил Пашка. – Чего я там не видел?! Абалбеть можно!

– Я тоже... – очнулся Петров и потянулся к бражке, он не дотянулся и снова уснул, забыв закрыть левый глаз, и он с укоризной уставился на Сергея.

– Спёкся, пацан, – по-отечески добродушно прогудел Мамиконов.

– Не надо вызывать полковника, – попросил Пашка.

Но его никто не стал слушать. В силу вступили законы армии – приказ должен быть исполнен любой ценой.

– Не тяни кота за яйца, – сказал Сергей. – Ведь хуже будет.

– Это точно, – беспечно прогудел Мамиконов. – Вот он, пожалуйста, – и включили «длинную» связь. – Алло, алло... товарищ полковник, товарищ полковник, – лицо у Мамиконова вытянулось. – Не слышит... Товарищ полковник! Алло! Алла! Вызывает Париж! Слушай, нет его!

– Да вижу, – Сергей посмотрел на свою индикацию. «Длинная» связь функционировала нормально. Но в наушниках поселился шум, словно в телевизоре разом кончились все программы. – Может, здание экранирует? – предположил он и вышел на воздух.

Действительно, здание ведь окислом железа покрыто, подумал он, и ошибся.

Площадь лежала в серо-желтоватой дымке. Ненормальной дымке. Таких дымок на Земле не бывает, разве что под водой, подумал он между делом и стал вызывать полковника Бастрыкина. Однако снова ничего не услышал, кроме равномерного шума. Эфир был пуст. Потом в него влез Мамиконов и сказал:

– Я же говорил, что никого нет...

Что-то случилась, понял Сергей. Он уже собрался было вернуться и обсудить с Мамиконовым ситуацию, как увидел тень, но не ту тень, как отражение ирреальности и потустороннего мира, а тень живую, которая существовала сама по себе. Тень была огромной. В том месте, где она шла, мусора совсем не было, и Сергей мог оценить её рост. Голова её доходила до второго этажа. На голове были рога, как у африканского буйвола. В руках она держала какой-то посох с огоньком на рукояти.

Сергей рухнул под кучу мусора. Тень двигалась по другую сторону площади, и если бы не светлые кустики, которые особенно густо разрослись вдоль тротуара, Сергей её не увидел бы. Между тем, в здании у него за спиной продолжалось бурное веселье. Особенно выделялся громкий голос Мамиконова:

– А я вам что сказал!..

– Абалбеть можно! – орал Марфин.

– Эй... – прошептал Сергей в микрофон. – Заткнитесь!

– Чего-о-о?... – так громко прогудел Мамиконов, что у Сергея зачесалось в ухе, и он потряс головой.

– Заткнитесь, здесь чужие!!!

– Чего-о-о?... – не понял старший сержант Гоша Мамиконов, но на тон ниже, и голоса в здании смолкли.

Потом рядом плюхнулись Мамиконов и Пашка Марфин и дружно спросили абсолютно трезвыми голосами:

– Что случилось?!

– Кто-то бродит, – объяснил Сергей. – Большой, просто огромный.

– Охотник... – выдохнул Пашка с таким ужасом, что и у Сергея, и у Мамиконова перехватило дыхание.

Молча приполз Зовущий. Глянул и так же молча уполз. В здании случился маленький переполох. Зовущий что-то сказал, и даже самые пьяные гоблины очнулись, и не успел Сергей глазом моргнуть, как они стали растворяться в темноте помещения.

Пашка подхватил ведро с брагой:

– Бежим!..

– Что случилось-то? – спросил Сергей, едва успевая за Пашкой и гоблинами.

– Камбун!

– Что? Не понял?

– Камбун прошёл. Великая непознанная «тень».

– «Тень»... «тень»... – загудели гоблины, толпясь на узкой винтовой лестнице.

Некоторые из них ещё не протрезвели и плохо держались на ногах. Сергею показалось, что гоблины знакомы с этим явлением не понаслышке.

– Кто такой камбун? – спросил Мамиконов беспокойным голосом.

– Охотник, – пояснил Пашка, расплёскивая драгоценную влагу. – Нам можно было и не убегать, нас он не тронет, но гоблины его сильно боятся.

– Бережёного бог бережёт, – согласился Сергей.

Ему захотелось выпить, но останавливаться было опасно.

– Дай! – он протянул руку и на ходу припал губами к разбухшему дереву.

Брага потекла в желудок и по подбородку.

– Оставь и мне, – с жадностью попросил Мамиконов.

Охотник вошел в здание. Было слышно, как он ходит над головами.

– Идём, человек, идём! – беспокойно сказал Зовущий.

– Ты почему в плен попал? – добродушно спросил Мамиконов у Петрова.

Гоблины и рады были унести ноги, да от страха замерли, как парализованные. Передние остановились. Задние напирали. Кое-то упал. Их топтали.

И тут выяснилось, что Петров чемпион по бесконтактному карате.

– Так что ты, бить не умеешь? – удивился Мамиконов.

– Чисто теоретически, – признался Петров.

– Зачем же ты с нами пошёл?

– За подвигом.

– За подвигом... – как эхо повторил Мамиконов. – Ага...

Он допил брагу, не предлагая Петрову, и в сердцах расплющил ведро о стену.

В этот момент раздался взрыв. Сергея отшвырнуло на спину. Он летел долго-долго, чувствуя, как болит каждая косточка и ноет каждый нерв. А потом всё же упал, и сверху на него посыпались мёртвые тела гоблинов. Должно быть, это его и спасло.

* * *

Его несли на плечах.

– Тихо!.. Осторожно!.. – Звучал знакомый голос с акцентом, и посверкивали зубы.

Иногда Сергей открывал глаза. Перед глазами плыл свод потолка в ржавых сталакти-тах, освещенный неровным светом факелов. Впрочем, когда над ним наклонялся Мамиконов, чтобы спросить: «Ну как ты?», Сергей видел на его плече зажжённый фонарик. Иногда в поле зрения попадало лунообразная физиономия Марфина, реже – Петрова и уж совсем редко – Зовущего, который командовал гоблинами: «Тихо! Осторожно! Направо! Налево!» Потом он увидел Милу, которая была совсем такой, как на звездолёте «Восток», когда он в неё влюбился – ласковой, нежной и желанной, и вдруг понял, что стоит в лаборатории и что Мила, поднявшись на цыпочки, целует его в губы и говорит: «Я буду ждать тебя». Он хотел её обнять и вдохнуть запах волос, но она куда-то исчезла и вместо неё он обнаружил, что идёт по Марсу и ветер несёт бело-рыжий песок под ногами, да такой густой, что не видно колен, а уса́тый Чернаков шипит, как варан: «Не пыли! Не пыли! Демаскируешь!» Сергей понял, что они на кого-то охотятся, тем более что в руках у него была винтовка СВТ-40 с оптикой. Хотел он остановиться, но не смог, потому что ноги двигались сами собой, а ветер

в довершении ко всему усилился так, что Сергей едва не упал. Чернаков закричал: «Что, что?! Что опять?! Какие, к чёрту, колонны?!» При чём здесь колонны? – удивился Сергей и всё вспомнил: это же произошло так давно и после этого было столько событий, что факт появления колонн не имел уже никакого смысла. Он не поверил Чернакову, но объяснить свою мысль не смог – слишком она была заумной для Чернакова. И ему сделалось неуютно под мерцающими сводами. Он застонал, пошевелил и очнулся.

Его по-прежнему несли. Свод был каменный, сложенный из тёсаных блоков, иногда укрепленный арками, с чёрными квадратами туннелей, убегающими прочь, но куда, он не понимал.

В следующий раз он очнулся в лифте. Горели земные лампы, и кабина дергалась рывками.

– Фу, ну ты и здоров! – прогудел, наклонившись, Мамиконов, и Сергей почувствовал, что улыбается. Тогда его и пронзила боль от макушки до пяток.

Петров, подгоняемый Мамиконовым засуетился, стал возиться с индивидуальной аптечкой, и Сергей понял, что Петров сейчас сделает ему обезболивающий укол.

Пока боль не отступила, он искушал себе все губы.

Потом он снова очнулся, когда его заталкивали в «машинку гоблинов», и вокруг было светло и бело, как в операционной, а самое главное – тепло и сухо, как дома. С этой мыслью он окончательно отключился.

* * *

На третьи сутки он встал. Его почти не качало, хотя он был ещё слаб. Тотчас появился странный человек в белом халате и со стетоскопом в верхнем кармане.

– Давыдов! – представился он и чуть заметно кивнул.

У Сергея невольно отвисла челюсть: человек был с трехпалыми копытами. А ноги в коленях у него гнулись внутрь. Сергей стал вспоминать фильм, в котором показывали таких существ. К тому же его так и тянуло повнимательней разглядеть, как человек устроен.

– Не удивляйтесь, – объяснил Давыдов, едва усмехнувшись, – я из самой первой волны эмигрантов.

– Каких эмигрантов? – спросил Сергей, и, чтобы не упасть, присел на койку.

Не было у них в Городке-Один на плато Солнце таких людей. Может быть – в других, но только не у них. Белая-белая комната сделала пол-оборота, но остановилась, словно передумала довершить вторую часть оборота, и открутила движение назад. Сергей понял, что выглядит примерно так, как папаша, которому сообщили о рождении семерых близнецов.

– Вы не можете об этом знать. Вы родились слишком поздно, – попытался успокоить его Давыдов.

– Слишком поздно по отношению к чему?.. – растерянно просил Сергей, лихорадочно вспоминая, что же он такого пропустил и чего не знает об истории родной страны.

Давыдов ушёл, цокая копытами, как лошадь, и загадочно взглянув на него. Кажется, он даже хмыкнул в знак презрения.

– Не парься, – посоветовал Мамиконов, который явился через пять минут. – Это самый тайный эксперимент СССР.

– Какой эксперимент? – усмехнулся Сергей. – Что за тайный? Почему не знаю?

Он не воспринимал Гошу Мамиконова в качестве эксперта по широким вопросам, скорее – как хорошего парня и баламута, способного разве что на шуточки.

– В семидесятом, когда пиндосы в очередной раз полетели на Луну, наши послали на Марс первую экспедицию из трёх ракет. Две из них долетели. И только одна припланетилась.

Спаслись трое. Давыдов один из них. Врач. Ещё в семидесятые здесь был живой город Сен-Пал.

Но Сергей пропустил насчёт какого-то города Сен-Пала мимо ушей. Мало ли городов на свете. Его интересовало совсем другое:

– Но почему об этом никто не знает? А наши не раскрывают карт?

– Очень просто, потому что была ещё операция прикрытия с луноходами. Выбирали, какая из двух зол меньше. Выбрали то, что оказалось удачным. У америкосов получилось, а у нас – нет. О том, что произошло с экспедицией на Марс, никто ничего ни сном ни духом, пока Пашка не отправился бухать. Передатчики экспедиции оказались повреждёнными. Экипаж даже не знал, что мы прилетели. Они уже перестали надеяться, хотя вначале семидесятых им удалось передать очень кроткий сигнал sos, который весь мир принял за сигнал инопланетян. Но наши-то знали, в чем дело, и, понятно, молчали. Экспедицию похоронили. Риск обделаться второй раз был слишком очевиден – была холодная война. Программу закрыли под грифом «государственная тайна, хранить вечно».

– Вот это да!!! – воскликнул Сергей. – Оказывается, нам есть, чем гордиться?!

– Конечно! Думаешь, одни пиндосы умные?

– Я ничего не думаю, – согласился Сергей. – Я констатирую факты.

– Давай по такому случаю... – предложил Мамиконов. – Тем более у меня сегодня день рождения.

– Поздравляю! – среагировал Сергей. – А какое сегодня число?

– Десятой ноября, – Мамиконов покопался в карманах и выставил на больничную тумбочку бутылку настоящего крымского коньяка «Шабо», четыре звездочки.

– Откуда?! – изумился Сергей.

– Места знать надо, – важно сообщил Мамиконов. – Я эту бутылку десять месяцев берёг и прятал от посторонних глаз. Но время настало. Давай, братишка, за твое выздоровление!

– Не-е-е-т... – многозначительно возразил Сергей, чувствуя, что с непривычки готов опьянеть ещё до выпивки. – Вначале за именинника.

Мамиконов, как и положено, не протестовал, они выпили за именинника из больничных мензурок, которые пахли корвалолом. В качестве закуски Мамиконов предложил маринованную марсианскую брюкву, похожую на кормовую свеклу, по рецепту аля-Марфин, который развёл бурную деятельность по части марсианской кухни. Брюква слегка отдавала железом и тиной.

Они выпили по три мензурки, и Мамиконов его огорошил:

– А Давыдов-то не совсем землянин, он вообще сделан из землянина и марсианина. Видал, какие у него копыта и ноги?

– Видал.

– Я тоже вначале всё просил показать копытца, пока он меня не послал. Ха-ха-ха!!!

– Так это он нашего Пашку приговорил?

– Нет. Есть здесь ребята из древней марсианской нации. Остатки большой расы. А техника медицинская, которая тебя и Марфина вылечила, тоже остатки бывшего великолепия.

– А гоблины? – спросил Сергей.

– Гоблины – биологический регресс, по-простому, они вымирают, как впрочем, и белые марсиане, которые называют себя муранами. Му – означает чёрный дрозд, ран – ткань. То есть получается, они называют себя «ткань, изготовленная в темноте». Кстати, от белых муранов произошли мы, а от гоблинов – земные гоблины. Но на Земле они вымерли. Ладно, отдыхай, – с сожалением произнёс Мамиконов, заметив, что Сергей Бабура окончательно свихнулся ото всей этой информации. – Я тебе ещё не то расскажу! – и ушёл, прихватив, однако, остатки коньяка.

Впрочем, Сергей напиваться не собирался. Он был поражён услышанным. Выходит, что в своё время СССР в угоду политике поднапрягся, выплюнул на Марс три несчастные ракеты и развалился, забыв о первопроходцах, об их телах и душах, решив, что все благополучно канули в космосе. А через пятьдесят лет теперь уже Россия взялась за Марс, опять-таки в угоду политическому моменту, ну и конечно, благодаря тому что на её территории оказалась Тунгусская Зона с технологией «планшетника». И снова напряглась из последних сил, чтобы показать, какая она великая. И доказала! Только нам, первопроходцам, приходится расхлебывать примерно так же, как первой советской марсианской экспедиции, думал Сергей. И ещё неизвестно, кому тяжелее. Во так примерно! И никак иначе! И не надо нас жалеть, ибо мы, которые из первого марсианского стройбата, самые первые! Самые-самые стойкие. И самые-самые лучшие!

* * *

Ну да, подумал, засыпая, Сергей, и не надо нас жалеть! Главное, чтобы наши усилия не оказались напрасными в угоду мировой политике. Лично я готов вкалывать хотя и не бесплатно, конечно, но вкалывать. А то мы завтра снова задружимся с америкосами до такой степени, что они нас обведут вокруг пальца. И будут летать на Марс за нас счёт и за наши технологии и при этом вежливо нам улыбаться и пиздеть на каждом углу, что мы никудышная нация, скоро вымрем, а они захватят наши земли. Да пошли они все в жопу! А регресс из-за чего? Главного Большой и не сказал. Неужели из-за Камбуна с рогами. Странно, но рогатый не показался Сергею опасным существом, которого нельзя убить. Вот в чем дело, решил он: значит, на Марсе существует сила, остановившая прогресс марсианской цивилизации. С этой парадоксальной мыслью он и уснул, не в силах понять, что прикоснулся к великой тайне.

На следующий день к нему повадились ходить всевозможные посетители. Первым явился Пашка Марфин и принес шкалик первоклассного самогона – мутного и вонючего.

– Абалбеть можно! – радостно орал он.

Но как назло, Давыдов сел в углу и неотрывно следил за каждым Пашкиным движением. Сергей даже сходил в туалетную комнату в надежде, что доктор хотя бы на время покинет палату, но Давыдов сидел, как приклеенный к стулу, и Сергей понял, что с утра выпить не удастся.

Пашка скомкал разговор и ушёл, не солоно хлебавши. Конечно, он раздавил этот шкалик, но ему хотелось похвастаться и раздавить его в компании Сергея. Потом пришли Мамиконов, Петров и Зовущий со своим страшным прикусом и сообщили, что ни полковника, ни капитана в районе лифта они не обнаружили.

– Только вот – штык валялся, – сказал Петров, вертя его в руках.

– И «планшетник»... – добавил Мамиконов.

Сергей подумал о том, что не похоже на полковника. «Планшетник» мог оставить кто угодно, но только не Бастрыкин. Не тот он был человек, не пролетарской закалки. Но тем не менее – оставил, тем самым наплевав на гостайну.

– А вдруг Бастрыкин вызвал помощь и слинял, не дождавшись нас? «Длинная» связь-то у нас была выключена! – предположил он. – А «планшетник» нам оставил?

– Вот то-то и оно! – сокрушенно произнёс Мамиконов. – Я ничего не понимаю. Представлю, что он доложил на базу.

Однако в его голосе прозвучала скрытая насмешка. Молодость ещё брала своё. И в душе Большой был большим пофигистом, пока ещё не испорченный возрастными установками и предубеждениями.

– В любом случае, мы изменники! – схватился за разбитую голову Петров. – Терять нам нечего. Точно не вернусь! Останусь с гоблинами и муранами. Говорят. У них здесь женщины есть. Страшные, но есть.

Все вопросительно уставились на Зовущего. Он подтвердил нехотя:

– Есть...

– Да брось ты, Петров, – сказал Сергей и подумал, что при таком подходе, всех надо спокойно расстрелять и покончить с освоением Марса. – Кому ты нужен со своими мыслями. Допросят, как Пашку, и пошлют в забой. Работать-то некому.

– Быть вечным штрафником! – с горечью в голосе воскликнул Петров. – Нет уж, увольте!

А Мамиконов многообещающе произнёс:

– Это не самое страшное...

Все замолчали, вопросительно уставившись на него, – даже Зовущий, который совсем уж освоился с людьми и деловито разливал самогон по мензуркам. Сергею он показался самым терпеливым, словно говоря всем своим видом: вот поживёте здесь, помучаетесь, тогда всё поймёте, и не будете кивать на трудности Марса. Кроме обычной закуски, они притащили что-то похоже на маринованное мясо. У Сергея потекли слюни. Давно он не ел натурального мяса, в основном – армейский паек из пакетиков, в которых была сублимированная пища. А для настоящего сталкера это разве еда?!

– Правильно, правильно, командир... – произнёс Зовущий своим странным акцентом, не похожим ни на какой другой акцент в мире – прежде всего из-за дикого прикуса.

Зовущего можно было понять и так: расскажи им всё! Порази их в самое брюхо! Тудить его налево!

– Ты помнишь, гудела «зубанка»? – спросил Мамиконов.

– Конечно, помню, – сказал Сергей, протягивая руку за мензуркой с мутным первачом в ней и поглядывая на кусочки мяса, посыпанные чем-то вроде тмина.

Оказалось, что это, в общем-то, не тмин, а насекомые, но вкусные насекомые, с кислинкой и хрустящие. Но понял это Сергей, уже когда всё мясо сожрал.

– Зовущий рассказывает, что раньше «зубанка» приходила редко, – сказал Петров. Он снял неудобный скафандр, под ним был комбинезон синего цвета. – А Парийский сообщил, что первый раз «зубанка» появилась только с их прилетом.

– Кто такой Парийский? – спросил Сергей, сглатывая слюну.

– Капитан первой экспедиции, – пояснил Петров. – Ещё познакомишься. Сегодня он ушёл в город.

– Выпьем! – опомнился Мамиконов.

Они выпили. Крякнули. Причём, Зовущий крякнул громче всех, закусил и продолжил беседу:

– Первое, что они сделали, убили всех птиц в городе.

– Кто они?

– Мы их никогда не видели, но называем Богами-пришельцами. Это началось очень давно, ещё до прихода землян, и происходит очень медленно. Даже наши деды не могли уловить разницу в условиях жизни. И только мы увидели, до чего докатились. Но процесс ускорился. Если раньше изменения происходили редко-редко, то сейчас ежемесячно, если не чаще, и только в худшую сторону. Жратвы вот совсем мало...

Он замолчал на трагической ноте. Его лицо сделалось скорбным – то ли от алкоголя, то ли от тяжёлых мыслей. Трудно было понять, сколько ему лет – пятьдесят или все сто. Сергею все аборигены казались на одно лицо – ну кроме Зовущего, конечно. Его он считал глубоким стариком, который на удивление ещё двигается.

– Но дело даже не в этом, – сказал Мамиконов, ставя свою мензурку на тумбочку, – дело в том, что мы с Парийским пришли к одному и тому же выводу. Эти низкие колебания направлены исключительно против людей. На аборигенов они не действуют.

– Да, не действуют, – гордо выпятил впалую грудь Зовущий и щёлкнул зубами. Он наливал себе больше, чем всем остальным. Движения его очень скоро стали размашистыми.

– Ничего не понял, – помотал головой Сергей. – Что это значит?

Он не удержался и съел сразу три куска мяса.

– Э-э-э... – напомнил Петров, – это закуска, а не еда, – и придвинул тарелку к себе.

– Так точно, – согласился Сергей и заставил себя переключиться на жалкие листики мха.

Он готов был сожрать мясо одним махом. Но перед этим надо было выпить, что он и сделал со страшной поспешностью. Самогон, обжигая губы, потек по подбородку. На мгновение перехватило дыхание. Напиток был крепок. Пашка постарался.

– Точно подобраны под частоту биения сердца, – сказал потом Мамиконов, вытирая жирные губы ладонью. – Это значит, что о нашем появлении знают и что нас выживают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.